

Николай Евгеньевич Наумов

*Вера, Надежда,
Любовь, или
Московская
фантасмагория*

Николай Наумов

**Вера, Надежда, Любовь, или
Московская фантасмагория**

«Издательские решения»

Наумов Н. Е.

Вера, Надежда, Любовь, или Московская фантасмагория /
Н. Е. Наумов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505041-0

Повесть о жизни обычной московской семьи, с которой в 50—60-е годы происходят мистические события, в корне меняющее ее дальнейший повседневный быт, с размышлениями автора о жизни в СССР в «благословенные» шестидесятые годы.

ISBN 978-5-00-505041-0

© Наумов Н. Е.
© Издательские решения

Вера, Надежда, Любовь, или Московская фантасмагория

Николай Евгеньевич Наумов

© Николай Евгеньевич Наумов, 2019

ISBN 978-5-0050-5041-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АННОТАЦИЯ

Необычное в обычном... Вы сидите дома, читаете или просто смотрите в окно, или вы гуляете в парке, или просто идете по улице и вдруг с вами случается то, что на всегда рушит вашу обыденную жизнь и жизнь ваших близких. Нет, это, конечно, не кирпич на голову, это какой – то пассаж, некий казус или поворот судьбы, словно злой рок (может не такой уж и злой, но все же, несомненно, вредный) потащил нить вашей жизни куда – то в бок, да с такой силой, что вернуться на свою прежнюю дорогу, не порвав нить, вам при всем вашем желании уже не придется. При этом игра случая может быть такой фантастичной, что вас не воспримут всерьез даже ваши самые родные и близкие люди. Случись с вами такое – и вы воочию поймете и поверите, что помимо вашего обыденного мирка где – то там, в высших сферах существует нечто, не поддающееся ни какому логическому объяснению и вы поневоле начинаете философствовать, что в корне меняет ваше отношение к жизни и вы понимаете, что вы то уж точно ни как не могли произойти от обезьяны. С каждым новым шагом на этом новом пути вы убеждаетесь, что только философия дает возможность человеку правильно родиться, правильно и хорошо прожить, умереть и возродиться вновь. Так будем же как дети, которые с широко раскрытыми глазами все еще с изумлением смотрят на таинства нашего здесь с вами существования.

Повесть о жизни обычной московской семьи, с которой в 50 – 60 годы происходят мистические события, в корне меняющее ее дальнейший повседневный быт, с размышлениями автора о жизни в СССР в «благословенные» шестидесятые годы.

ЧАСТЬ I

Я вижу, вижу все это так ясно, будто оно случилось всего неделю или месяц назад, не больше. Быть может судьба сохранила все это в моей памяти, что бы я в конце концов поделился этим с кем ни будь... но с кем? и кому это будет интересно? я пережил всех своих родных и близких, я одинок и никчем, как смоковница, которую проклял Христос, и «взялся за перо» во-первых, потому, что только на склоне лет стало мне отчетливо понятно, что жизнь моя и моих близких была цепью событий настолько странных и не объяснимых, что унести все это в могилу и ни с кем не поделиться было бы неправильно, и во-вторых, на меня вдруг такая планида нашла, чтобы пережить все еще раз на бумаге, потому что я помню... помню все!

Кто сейчас может вспомнить, что такое Владимирский поселок на шоссе Энтузиастов? С десятков двухэтажных бараков с крышами, покрытыми «толью»... теперь от них и следа не осталось, кроме как на карте Москвы 1951 года Мосгоргеотреста. Там они все, как на ладони.

Дом №46 ничем не выделялся среди таких же убогих домишек по Плехановской улице. Водяная колонка у подъезда, печка в коридоре, керосинка и рукомо́йник на кухне, помойное ведро в чулане и общий сортир на несколько домов – вот и все удобства. Теперь уже трудно представить себе, как можно было жить в таких, мягко выражаясь «спартанских», а проще говоря, свинских условиях, но так жили многие в ту послевоенную пору и потому не жаловались, имея крышу над головой и койку, где можно было переночевать. Эти дома строились еще до войны как временное жилье для строителей и специалистов завода «Прожектор» и завода №703, (сейчас он называется «Салют»), который располагался тут же – за Владимирским прудом (его в те времена еще называли «огурцом»). После войны как-то само собой из временного эти хилые домишки стали жильем постоянным. С конца сороковых руководящих работников и специалистов стали «уплотнять» подселением работяг с Прожекторного, «Серпа» и еще Бог знает откуда, а потому к середине 50-х там проживал уже народ разношерстный и разномастный.

До войны семья парторга Прожекторного завода Александра Сахарова – его жена, Софья Платоновна, три дочери Вера, Надежда, Люба и сын Николай, занимала в отдельную квартиру из трех комнат на втором этаже. Александру предлагали большую трехкомнатную квартиру в «сталинском» доме в Лефортово, но он отказался под тем предлогом, что, как истинный партиец, не может отрываться от рабочего класса.

В тридцать шестом старшая из сестер Вера вышла замуж за инженера Евгения Августовича Нарумова. Ей было тогда восемнадцать лет. Они познакомились в Измайловском парке на концерте самодеятельности в летнем театре. Дело было в жаркий и душный августовский день. На открытой площадке с рядами скамеек укрыться от палящих лучей солнца было негде и она была почти пустая. Вера с Надеждой сидели в первом ряду. Надя изнывала от духоты и все тащила Веру за руку, порываясь уйти в парк, в тенистые аллеи. «Да подожди же, давай уже досмотрим, еще несколько номеров и конец» – говорила Вера, не отрывая взгляда от сцены. Уже в самом конце на сцену вышли двое молодых мужчин с гитарами – один высокий, худощавый брюнет с лет двадцати пяти в светло – серой «тройке» с бордовой бабочкой и второй – чуть пониже ростом коренастый блондин в соломенной шляпе, белой тенниске и широченных белых брюках, как тогда носили. Совсем юная девушка – конференсье объявила: «А теперь, дорогие друзья, я думаю те, кто не присутствуют на нашем замечательном концерте, должны будут здорово пожалеть. Поприветствуем дуэт в составе Нарумова Евгения и Вениамина Кардаша.

Раздались жидкие аплодисменты. Прозвучали виртуозно исполненные гитарные переборы, которые они исполнили, широко улыбаясь и глядя друг на друга. Это было танго «Скажите, почему...» из репертуара Петра Лещенко. У Нарумова был тенор «под Козловского», у Кардаша – сочный хриловатый баритон. Играли и пели они настолько мастерски и проникновенно, что уже после первого куплета зрители, сидевшие и стоявшие кто где, стали заполнять первые ряды. Затем они без перерыва спели «Татьяна» и «Студенточка». Театр быстро заполнился до отказа. Слушали молча, буквально затаив дыхание, но когда они спели «Моя Марусечка» раздались оглушительные аплодисменты. Уйти со сцены им не удалось – конференсье под не умолкавшие аплодисменты каждый раз возвращала их обратно. Им пришлось

спеть еще несколько песен из репертуара Лещенко и Вертинского, а в заключение они сыграли «Цыганскую венгерку», да так лихо, что кое кто из стоявших а проходах, не смотря на жару, пустились в пляс. Нарумов уже во время объявления конференсье их выступления обратил внимание на Веру и во все время их выступления почти не спускал с нее глаз, так что ей даже иногда казалось, что он играет и поет для нее одной. После концерта Вера с Надей купили мороженого, уселись на скамейке в аллее и в это время к ним подошли Нарумов с Кардашем. «Женя, Веня, – представились они, – девушки, а можно мы теперь для вас сыграем? Что вы хотите послушать, мы много песен знаем». Они играли и пели им в полголоса, собрав около скамейки внушительную толпу. Вера сначала молча слушала, потом стала подпевать им своим низким контральто и они быстро, как говориться, «спелись». В начале августа Вера с Нарумовым познакомились, а в конце августа поженились.

Молодым отвели самую большую комнату с терраской. В июле тридцать седьмого у них родился сын Валера. В первые же дни войны Евгений Августович Нарумов, как главный специалист закрытого ГСПИ-3 получил «бронь». Семья эвакуировалась в Кемерово, где размещался опытный завод ГСПИ-3 и куда Евгений Августович постоянно мотался в командировки. В квартире осталась только Софья Платоновна, наотрез отказавшаяся уезжать. В Кемерово они получили известие о смерти Александра Александровича. В освободившуюся комнату тут же заселили заведующую детсадом Марию Павловну с дочерью Лидой.

В августе сорок четвертого семья вернулась в Москву, поскольку Валера должен был пойти в первый класс. В тот же день они получили извещение о без вести пропавшем Николае. Им пришлось «уплотниться» в двух комнатах. В большей разместились Евгений Августович с Верой, Валерой и Колей, а в 12 – метровой комнатухе за стенкой Софья Платоновна с Надей и Любой, причем Наде из – за тесноты пришлось спать на раскладушке. В ноябре родился Коля. В день его рождения Евгений Августович посадил возле дома трехгодовалый, чуть больше метра, тополек. Комната их была явно маловата для четверых. Родители выгородили себе угол, приставив гардероб боком к стене. На зиму ставили вторые рамы, затыкали щели в окнах ватой и заклеивали их калькой, но все равно продувало насквозь, печка грела только пол комнаты, так что Вера согревала детям постели горячим утюгом. Но все это воспринималось как нечто обыденное, будто по другому и быть не могло.

В сорок седьмом Надя вышла замуж за Василия Васильевича, слесаря – лекальщика высшего разряда, жившего в поселке Лесном по Ярославке и работавшего в шарашке, клепавшей зонтики при местном радиозаводе. Это был добрейшей души человек небольшого роста, худой, с гладко зачесанными назад темными волосами, с «утиным» носом и с постоянной везде – на работе и дома какой – то виноватой улыбкой. У них с Василием Васильевичем была любовь и он прилично зарабатывал. Несмотря на протесты всех домочадцев, доходившие до скандалов и слез, Надя выписалась из Москвы и уехала с мужем в Лесной, где у них была комната в бараке №10 возле самого леса. Там в 49 – м году у них родился Сережа. Шарашку года через пару лет прикрыли, Василий Васильевич с горя начал попивать, подхватил крупозное воспаление легких и помер, оставив Надю с двухлетним малышом на руках. Вера пыталась уговорить Надю вернуться в Москву, но у Надя, закончившая в сорок седьмом техникум связи, устроилась оператором на всесоюзный радиоцентр – там же, в Лесном, Сережу отдала в детский сад, получила большую комнату в новом доме и навсегда осталась в Лесном.

Младшая сестра Люба закончила дерево – обрабатывающий техникум и три года отработала на мебельной фабрике на Сходне, то есть на другом конце Москвы,

куда она добиралась больше двух часов, а вставать приходилось в пять утра. Она была хороша собой, как, впрочем, и ее сестры, к тому же комсомолка, активистка, так что у нее была масса ухажеров – молодых и не очень. Она любила краситься, была модница, хотя одевалась скорее не модно, а вызывающе, и бегала на работу на высоченных каблуках, за что постоянно получала нарекания от Софии Платоновны. Так же постоянно ей попадало от матери и от Веры за то, что она часто возвращается с работы полночь – за полночь, а в выходные гуляет не известно где и не известно с кем. В 1953 году она вступила в партию и ее направили на работу в объединение «Союзмебель» в особняке рядом с высоткой на Котельнической набережной. Она работала в отделе снабжения, приходилось ездить в командировки, что ее, по видимому, вполне устраивало.

II

В теплое время года житье – бытие в таких, можно сказать, не человеческих условиях еще куда ни шло, но вот зимой... Зимой Евгений Августович вставал в шестом часу, брал санки, шел в сарай за дровами и растапливал печку, а Вера тем временем готовила ему завтрак. Проводив мужа, она будила детей и собирала их в школу. В 1953 году Коля был первоклашкой, а Валера учился в девятом классе. Неспешно проходили тихие зимние будни. По выходным чистили от снега каток на «огурце». Каток в течение всей зимы поддерживали в порядке, он был почти на весь пруд и ровный, как стекло. Валера и другие взрослые пацаны раскатывали на «канадах», а мелюзга вроде Николки и его друзей – приятелей – на «гагах» и снегурках. Евгений Августович считался «крутым» поскольку был, наверно, единственным во Владимирском поселке, кто катался на «норвегах». Заложив руку за спину, он широким шагом нарезал круг за кругом. Каждый выходной Евгений Августович с детьми ходил на каток в Измайловский парк и там он тоже показывал «класс».

Зимы в те времена были лютые и снежные, слабенькая печка грела слабо, а рамы, хоть и двойные, все равно промерзали насквозь, так что маленький Николка на покрытых снежными узорами окнах рисовал пальцем рожицы.

После Нового года бесконечная борьба с холодом обычно уже начинала надоедать и все с нетерпением ждали весны, А она почему-то всегда была поздняя: только в апреле начинало пригревать солнышко и появлялись первые проталины и ручейки. Как-то холодным мартовским утром, чуть засветлело, Николка проснулся и увидел, что мама сидит на постели, обняв руками колени и тихонько всхлипывает. «Мам, ты чего?» – с испугом спросил он. «Сыночек, Сталин умер» – сквозь слезы ответила она. Из черной тарелки репродуктора до Коли едва слышно донеслось: «... мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа». В первый раз за всю свою коротенькую жизнь Николка видел веселую певунью маму плачущей. Он забрался с головой под одеяло и притих. Он захотел тоже заплакать, но не получилось и в голове начался полный сумбур: «Что теперь с нами будет? И как это Сталин мог умереть? И кто теперь будет вместо этого Сталина? Другой Сталин?». В расстроенных чувствах, Коля крепко уснул.

Зато летом... летом была красотища! «Огурец» кишел тогда плотвой, уклежкой и карасями. Валера был страстный рыбак и часами посиживал на берегу с удочкой. Рядом с ним всегда сидел кот Тарзан и, застыв неподвижно, горящими глазами следил за поплавком. Вся мелочь типа плотвички и уклейки доставалась ему. Карасиков Валера приносил домой в трехлитровой банке, они жили на окошке пару – тройку дней, а потом он выпускал их обратно в пруд. Какие игры были тогда? Пацаны реза-

лись в ножички, «расшибалу» и «лямку», гоняли автопокрышки и колеса. А еще лазили на склады, которые были тут же, за домом. Склады были обычными деревянными сараями и охранялись сторожами с «берданками». Но сторожа обычно сидели в каптерке у въездных ворот, так что пацаны пролезали под ржавой оградой с другой стороны – ближе к дому, и тащили оптические прицелы, бинокли и просто линзы разных размеров, чтобы жечь ими деревянные и бумагу. А еще ртуть. Стоило копнуть шлак возле склада, как ямка тут же заполнялась ртутью. Пацаны набирали ртуть в баночки из под диафильмов. На большой стол, сбитый из досок, который стоял за домом и на котором по вечерам забивали козла или играли в шахматы, клали оконное стекло и выливали из баночек ртуть. Разбегающиеся во все стороны лужицы ртути собирали ладонями в одно ртутное озеро. Задача была ударить на стекле это дрожащую, словно живое существо, ртутную лужу.

Все выходные дни Евгений Августович с Валерой и Николкой проводили в Измайловском парке. После катания на лодках они бродили по аллеям парка или шли в читальню. Читать Коля научился лет с четырех – пяти и там мог часами разглядывать «Огонек», «Вокруг света», «Технику молодежи» и, понятное дело, «Крокодил». А еще он любил рисовать, особенно зимними вечерами и осенью, когда на улице делать было решительно нечего, потому что грязь непролазная. Рисовал все подряд – войнушку, кота Тарзана, Валеру на пруду с удочкой, папу, как он ходит по коридору, дымя сигаретой, маму за гладкой бельем, бабушку Софью с тетей Любой, двоюродного брата Сережу с тетей Надей, своих друзей-приятелей и вообще все, что попадется на глаза.

Когда у него накопилось с пол десятка альбомчиков, густо заполненных рисунками, отец принес с работы рулон отличного гознаковского ватмана и показал Коле, как разрезать листы ножом на четыре части. На первое сентября 1955 года, когда Коля пошел во в третий класс их соседка по лестничной площадке студентка медицинского института Нелли Левит подарила Коле роскошное издание «Легенды и мифы древней Греции». Он был в восхищении от греческих героев и богов и с упоением перерисовывал их. Учитель рисования Федор Матвеевич, всегда слегка выпивший, как-то сказал Коле: «Вот что, мсье Николая, учить мне вас нечему, так что творите свободно, поскольку сам Господь поцеловал вас». Как-то ранним летним утром Коля вышел в коридор, протирая заспанные глаза и увидел, что соседская дверь распахнута настежь, а посреди комнаты сидит на горшке совершенно голая пышнотелая Людочка, которой в ту пору было уже восемнадцать лет. Коля был так поражен этим зрелищем, что застыл на месте, вытаращив глаза и раскрыв рот от изумления. «Ну мам, что такое!» – капризно вскрикнула Людочка. Мария Павловна в это время ходила взад – вперед по коридору, размахивая утюгом с угольями. «Извините, молодой человек» – с приторно сладкой улыбкой сказала она и закрыла дверь. Умывшись, Коля взялся за карандаш и быстро сделал набросок голой Людочки на горшке. Когда Вера увидела рисунок, она во-первых была поражена сходством, а во – вторых отругала Колю, говоря ему, что двенадцатилетнему мальчику рано обращать внимание на женщин, а тем более рисовать их голыми, что это не красиво и пошло, но она сама почувствовала, что все это получилось у нее как-то мало убедительно, может от того, что рисунок был сделан просто отлично. Не заметно от Коли она спрятала листок в шкаф, чтобы показать мужу. Увидев рисунок, Евгений Августович был в полном восторге и попросил Веру не выбрасывать его, а спрятать куда-нибудь подальше.

На терраске у них стоял громоздкий гардероб еще до революционных времен, где висела старая одежда, ящики были забиты отцовскими папками с чертежами,

чуть ли не прошлого века техническими и медицинскими учебниками с прожелтевшими страницами. Для Коли этот шкаф был полон тайн и загадок. Взять хотя бы аэроплан из зеленой гофрированной стали, с трудом помещавшийся в шкафу, который отец в числе прочего «хлама» (по выражению мамы) привез из командировки в Германию еще осенью 1945 года. Или тяжеленный немецкий деревянный ящик с хитрыми замочками и с набором самых разных столярных инструментов. Или немецкая винтовка без затвора. А еще в том шкафу на гвоздике висели пексы дяди Толи Фесенко – особого вида альпинистские ботинки с загнутыми носами. Анатолий Фесенко был участником группы Абалакова, покорившего пик Коммунизма в 1933 году. Ему тогда не повезло: еще на середине маршрута он сорвался со скалы в расщелину, получил тяжелую травму головы и с тех пор повредился в уме. На виске у него остался глубокий шрам. Дядя Толя был богатырского сложения и обращался с двухпудовой гирей как с игрушкой. Он жил с матерью Ольгой Павловной и красавицей женой Нюрой в огромной коммуналке на Садово – Сухаревской. Ольга Павловна, приходилась двоюродной сестрой Софии Платоновне. Еще с до военных лет сложилась традиция, что октябрьские и Первомайские праздники все семейство Сахаровых отмечало у тети Оли.

А еще в шкафу на терраске хранилась туба – футляр для чертежей, довольно тяжелый, сделанный из какого-то непонятного металла, матово отливающего радужным блеском. На крышке (ее можно было нащупать по едва заметному шву) было три странных знака на манер скандинавских рун.

Маленького Колю всегда разбирало неумное любопытство узнать, что там, в этом футляре, но сколько он ни пытался, открыть его не мог. Когда он попросил отца открыть его, тот рассмеялся и сказал, что сам не знает, как это сделать, что вещь эта чужая и он должен ее скоро отдать. После этого разговора Колино любопытство достигло предела. На скоро покончив с уроками, он занимался этой тубой, вертел ее и так и эдак, но крышка упорно не открывалась. В одно время у них гостил Сережа – сын тети Нади. Вдвоем они возились с этой тубой, пытаясь открыть ее, но все бесполезно. Наконец, Николка попросил помочь Валеру.

– Далась вам эта труба. Там просто папины чертежи наверняка, зачем вам?

– Валерик, ну пожалуйста, попробуй открыть, мне интересно же, что там такое, вот и Сереже интересно, ну попробуй, ну пожалуйста, что тебе стоит, а то папка сказал, что кому – то отдать ее должен и мы никогда уже не узнаем, что там.

Николка пристал к брату, как банный лист, буквально изводил его своим нытьем, так что Валера все же согласился. Он внимательно осмотрел тубу, повертел ее в руках и задумался. Потом он поставил ее на пол. «Держи крепче и строго вертикально» – сказал он Коле. Затем он крепко зажал знаки на крышке одновременно тремя пальцами.

– Жми на крышку, что есть силы – сказал он. Коля надавил сверху обеими руками. Неожиданно крышка сама с легким щелчком слегка подскочила кверху. В тубе оказался толстый рулон чертежей, выполненных на кальке ярко – голубого цвета. Валера вынул рулон и развернул его на полу.

– Ну что, голова садовая, я же сказал тебе, что чертежи... тут все на немецком языке... и что это за штуковина, на что похоже, как думаете?

– Если одну тарелку накрыть другой, будет похоже, – сказал Сережа.

– Точно. Знаки какие – то и на каждом листе видите в штампе – Аннанербе, чтобы это значило? Ладно... ну что, Никола, успокоился? А теперь уберем – ка все это обратно.

– А я видел такую штуку, – сказал Сережа.

– Какую такую, где видел?

– Мы с мамой ходили в Фомкино за молоком осенью и видели такую штуку. Она похожая была, как здесь и большая очень, висела над полем.

– И что?

– Ничего. Повисела и улетела. Очень быстро.

– Фантазер ты, Серега, ладно, ты, Ника, смотри у меня, не говори папе, что мы открывали ее, понял?

– Понял – тихо ответил Коля.

Дня через два Коле снова захотелось уже самому открыть футляр, но ее в шкафу не оказалось и он подумал, что папа отдал ее кому-то, как и обещал.

III

Евгений Августович лукавил, когда сказал Коле, что не знает, как открыть тубу. В августе 1945 года он находился в командировке в Германии, а точнее в Тюрингии, в Пенемюнде, в составе одной из групп специалистов, направленных туда для изучения возможностей восстановления технологии производства ракет ФАУ2.

Сотрудников его группы разместили в одном из изрядно потрепанных английской бомбежкой эсэсовских особняков. Работали в помещении бывшего конструкторского бюро. Как ни странно, рабочие места немецких проектировщиков – столы, кульманы, даже готовальни с набором чертежных инструментов – все было в целости и сохранности.

Через два дня к ним зашел коренастый, плотного телосложения майор – артиллерист лет тридцати.

– Корольев, – отрекомендовался он, – занимаюсь стартовыми комплексами ФАУ, точнее, тем, что от них осталось, мда... наша задача любыми путями попытаться все это дело восстановить. Работа осложняется полной неразберихой в оставшейся технической документации... союзники основательно пошерстили ее, так что, если вашей группе удастся, как говорится, что – то нарыть в этом плане, прошу сразу ко мне. Среди вас, надеюсь, кто – то знает немецкий?

В группу Евгения Августовича входило несколько гражданских и военных специалистов. Задачей группы была работа с технической документацией, относящейся к производству ракет ФАУ2. Американцы успели вывезти все полностью собранные ракеты, но в огромных цехах, испытательных лабораториях и конструкторских бюро осталась масса проектно – технической документации. Евгению Августовичу, как единственному специалисту, в совершенстве владеющему немецким языком, пришлось выполнять огромный объем работ по подбору и комплектации разрозненной документации. Чертежи подбирались по листам и каждая подборка подписывалась с кратким описанием содержимого. Трудности с переводом возникали из – за специфики ракетной терминологии, вообще не знакомой до этого советским специалистам. Приходилось разбираться в технологических и технических нюансах, на что времени совсем не хватало. Свободного времени у сотрудников группы практически не оставалось. За два месяца перелопатили почти тонну документации.

За эти два месяца Евгений Августович несколько раз встречался с Королевым, передавая ему документацию и чертежи. Королеву тогда понравилась точность и ясность, с которыми Евгений Августович давал ему пояснения по специальной терминологии, мало понятной в то время нашим ракетчикам.

– Евгений Августович, а вы знаете, у меня сложилось впечатление, что вы знаете немецкий лучше любого из немцев, которых мы здесь привлекли по ФАУ, я

уж не говорю про наших девчонок – переводчиц, которых нам прислали. А немцы явно не охотно сотрудничают с нами, а ведь без них мы мало, что сможем сделать, своих силенок у нас, скажем прямо, маловато, да и опыта, в сущности, нет. То, чем мы занимались до сих пор по ракетной тематике, просто игрушки, не серьезно все. Мда... Все наши группы, работающие в Германии по тематике ФАУ-2, в том числе и наша группа «Выстрел», к сожалению, действуют разрозненно, что в таком деле совершенно не эффективно. Глушко работает в Леестене, Курило в Кляйнбодунгене, черт и не выговоришь... есть еще с пол десятка групп, чем они занимаются, я сам толком даже не знаю, короче, сложно все... И я вам больше скажу, но это уже между нами. Если подумать, мы без немцев... наука у них, конечно, передовая в мире. Если бы не Гитлер, представляю, куда бы они уже махнули, судите сами: кто открыл расщепление атомного ядра? – Отто Ганн, немец, кто стоял у истоков атомного проекта? – опять же Отто Ганн и Гейзенберг и я уж не говорю про ракетные технологии, тут немцы со своим фон Брауном вообще на 50 лет нас опередили. Вот такие дела... Да вот еще, чуть не забыл... вот посмотрите, что это может быть по вашему мнению, – Королев положил пред ним довольно потрепанную папку с надписью «Vergeltungswaffen. Technische Beschreibung» (Оружие возмездия. Техническое описание). На обложке в углу была круглая печать и стоял штамп с едва различимой надписью «Ahnenerbe».

– Вот посмотрите, случайно нашел среди папок, которые мне в последний раз передали. Это какой – то заумный агрегат, скорее всего летательный аппарат. По началу я сам со словарем попытался переводить и понял, что это бесполезное дело. Переводчицы наши взялись, перевели дословно, тоже не понятно о чем речь, окошечка какая – то. Может, хотя бы в общих чертах поясните, что это за штука такая. А я вам мешать не буду, займусь своими делами.

В папке было около десятка несколько довольно схематичных чертежей формата А3 с общими видами дискообразного аппарата. На каждом чертеже имелась спецификация отдельных узлов с пояснениями.

Евгений Августович попросил у Королева лист бумаги и углубился в папку. На листок он выписывал перевод пояснений к чертежам, а на самих чертежах карандашом надписывал перевод над соответствующими терминами и обозначениями. На всю работу ему потребовалось около получаса.

– Ну вот все вроде бы. Что вам сказать, Сергей Павлович, все здесь замешано на мистике. Кстати, на обложке стоит печать рейхсканцелярии Гимmlера. Начать хотя бы с того, что эта штука летает благодаря дыханию космоса, видите так и написано «Atem des Raumes». А ведь она огромных размеров – почти 120 метров.

– Жуть! И что это за дыхание?

– Первый лист – это типа объяснительной записки. Чертежи, если только это можно назвать чертежами, на мой взгляд это просто картинки для начальства, мало разбирающегося в общих принципах конструкции аппарата, так вот на чертежах нет ничего, что могло бы объяснить принцип действия этой штуки. Как я понял из пояснительной записки, под дыханием космоса можно понять гравитацию, а в данном случае, антигравитацию. В пояснительной записке, вот здесь, видите, указана скорость этой машины – 800 километров в секунду, вы представляете, какую мощность развивает эта штука – просто фантастика. Я постарался тоже возможно более близко к тексту перевести записку, Странно, что здесь обилие мистической терминологии... смахивает на буддизм какой – то. Но тогда не понятно, откуда такое обилие знаков типа скандинавских рун.

– Ну да, а что они обозначают – не разрешимая загадка, а насчет мистики, эта Анненербе... они там и занимались чистой мистикой, так что... скажите, а есть здесь хотя бы намек на возможность использования этого чуда в качестве оружия, например, учитывая его размеры?

– Судя по названию папки на обложке это и есть оружие возмездия. Единственная аналогия, которая тут приходит в голову, это виманы – боевые машины древнеиндийского эпоса. Они летали на огромных скоростях и с помощью небесного огня уничтожали все на своем пути, но это уж точно полная мистика.

– Понятно... ну что ж, я ведь когда эту папку обнаружил, не придавал ей значения, даже выбросить собирался за отсутствием практической пользы, но все равно огромное вам спасибо. А папочку эту я себе оставляю – так, на всякий случай.

В ноябре группа Евгения Августовича должна была отправляться в Москву.

За пару дней до отъезда он решил в последний раз побывать в цеху, где изготавливали оснастку для штамповки корпусов ракет, что бы еще раз осмотреть уникальное оборудование. Уходя из цеха, он решил проверить содержимое трех стальных шкафов, стоявших у стены в дальнем углу цеха. Шкафы были заперты и, скорее всего, не проверялись. С помощью монтировки, лежавшей тут же на верстаке, он с трудом вскрыл шкафы. Два из них оказались пустыми, в третьем он обнаружил тубу – футляр для чертежей из серого с матовым отливом металла. На крышке сбоку была отштампована надпись «Annenerbe». После нескольких неудачных попыток открутить крышку, он внимательно осмотрел ее и обнаружил по бокам крышки три знака, явно обозначающих кнопки. Поставив тубу на пол, он зажал пальцами эти кнопки и нажал на крышку сверху коленом. Раздался щелчок и крышка приподнялась. Он осторожно перевернул тубу и из нее на верстак выскользнул рулон чертежей на тончайшей голубой кальке. Он развернул рулон. Первые три листа были целиком заполнены таблицами с мелким, но четким шрифтом. Четвертый лист занимал чертеж общего вида дискообразного аппарата с разрезами. На последующих листах были чертежи отдельных узлов и деталей со спецификациями. «Да это же рабочий проект целиком, хоть сейчас в дело» – подумал он, надо будет спецам моим показать, интересно, что скажут». Прихватив деревянный ящик с инструментом, стоявший тут же, возле верстака и спрятав футляр под пальто, он беспрепятственно прошел мимо охранника, стоявшего у ворот цеха. Не успел он войти в особняк, как пришел лейтенант из комендатуры и объявил, что вылет группы назначен на семь утра.

Вылетели в Москву ровно в 7—00 на выдавшем виды «Дугласе». Летели без посадки около семи часов. Всего в самолете было около двадцати пассажиров. Кресел не было, сидели на металлических скамьях вдоль бортов. Самолет отчаянно трясло и все облегченно вздохнули, когда приземлились на аэродроме в Тушино. До дома Евгений Августович добрался только к семи вечера, с трудом уломав юного лейтенанта на тентованной полуторке, который направлялся в сторону Лефортово.

IV

– Ну расскажи, Женечка, как там в Германии... небось заметил там себе какую –нибудь розовощекую и сисятую Гретхен.

– Да что ты, Верочка, у меня уже есть точно такая же Гретхен.

– Правда? А почему я про нее ни чего не знаю? Ну расскажи мне про нее. Вы спали вместе?

– А то как же, еще как спали.

– Как интересно... и что же, как она?

– Чудо как хороша, оторваться от нее не возможно, ну – ка ляг на бочок, вот так... ох как же хорошо, милая моя Гретхен.

– Потихе, Жень, Валерика разбудишь и Николка вон что – то кряхтит, опять, наверное, есть хочет.

– Да что ты, Валерка спит без задних ног, а Николку я сейчас посмотрю, обдулся, наверное, ты не вставай, я сейчас... Да нет все в порядке, сухой и спит крепко. Верунь, я так соскучился по тебе за эти два месяца...

– Жень, времени уже второй час два наверно, мы с тобой что – то разгулялись, тебе ведь вставать завтра в шесть... ой, щекотно!

– Верунь, я смотрю ты так похудела... тебе надо кушать побольше.

– Да ну, мне нравится так, а то такая толстуха была, все платья как на барабане.

– А мне нравится, когда ты такая... глаз не оторвешь.

– Да? Ну что ж, делать нечего, слово мужа – закон, придется опять толстеть. Только я боюсь мы с Марией Павловной в коридоре не разойдемся, я толстуха, а она – то вообще жиртрест мясокомбинат, а вообще я что – то устала сегодня, весь день на ногах, на рынке пол дня промоталась, так что давай правда спать уже

– Не спится мне, Верочка.

– Жень, тогда расскажи мне про Германию, как они там живут.

– Живут и хорошо живут, Верунь, на много лучше нас.

– Ну расскажи мне, расскажи.

– Верунь, все таки надо как – то уснуть, завтра вставать ведь ни свет ни заря, вернее сегодня уже.

– Ну давай поговорим минуток пять хоть.

– Ну что тебе сказать, там совсем другая жизнь. Место, где я был – Пенемюнде, это деревня и жителей там человек двести, может побольше, он на острове... забыл, как называется Везидом или Узедом, не помню точно, союзники разнесли там завод ФАУ2 в пух и прах, но деревеньку почти не тронули. Они живут в частных домах, у каждого приусадебный участок, чистота везде идеальная, в огородах и палисадниках все буквально вылизано – ни травинки. Бедноты как у нас вообще нет. Кто фруктами занимается, кто овощами, парники у всех, теплицы, хмель выращивают, пиво варят, короче, все при делах. Как ни странно, а к нам, к русским, относились сносно. Так что бы косо поглядели или ругань по нашему адресу – я не замечал. Приходишь в пивную – угощают, такое впечатление было, что даже довольны, что мы зашли, только плати, так что иногда казалось, что и войны не было. В общем, живут люди, как надо.

– Жень, а женщины какие у них? Во что они одеты?

– Ох и модница ты моя. Знаешь, Верунь, я тебе честно скажу, из женщин видели мы только жену хозяина пивной, она пиво нам подавала. Да и были мы в пивной всего пару раз.

– Она хорошенькая?

– Да что ты... ей за шестьдесят.

– Слушай, Жень, К нам ведь Макс приезжал где-то недели три назад, так он целый грузовик из Германии пригнал, мебель там, картины, утварь всякая, целое состояние наверно, а ты какой – то ящик с инструментами, на кой ляд он тебе сдался?

– А кожаное пальто, а зимние сапоги на цигейке? Верочка, понимаешь, там не до того было, мы же на острове сидели, что там возьмешь? Да и заняты были все под завязку, пожрать отлучиться и то не всегда удавалось, так что... а Макс, что Макс, он коммерсант до мозга костей, я помню он умудрился каким – то чудом еще

из Финляндии старинный гарнитур красного дерева притащить. Он же в Госснабе далеко не последний человек, сама понимаешь, ему, как говорится, сам Бог велел. Как он кстати, как Лиля его?

– Выглядит как огурчик, Лиля его с сыном в эвакуации на Алтае была, жили у директора лесхоза, рассказывала красоты там неопишуемые. А сейчас она не работает, дома сидит... домработница у них. Да и зачем ей работать, Макс деньги гребет лопатой. Она ухоженная такая, модная красotka вся из себя. Я Макса просила помочь нам с жильем.

– Как это?

– Да так, попросила и все. Сказал это будет проще сделать, если я устроюсь к нему в Госснаб. Сказал, что тогда поможет без проблем. Я так подумала, может и правда...

– Брось, не выдумывай, тебе с Николкой теперь года два точно в декретном отпуске сидеть, или как он там называется, а Валерка с кем будет? В первый класс только пошел. И потом, ты шить мастерица, в ателье тебя ценят, да и заказы тебе перепадают, вот и занимайся. Через год – другой к тебе весь район в очередь будет стоять. Слушай, завтра ведь воскресенье, давай сходим куда – нибудь в кино, в «Родину», например. Нам в Пенемюнде фильмы крутили с Марикой Рокк, Гретой Гарбо – класс! Потом в парк Горького сходим, на аттракционах покатаемся, а то можно в центре погулять с Валеркой, что он тут сидит целыми днями, с пацанами шляется по грязи.

– Ну что ж поедем, я с удовольствием, мама за Николкой присмотрит, правда я супчик хотела сварить, не успела, за то на второе у меня есть сосиски с капустой, киселик из клюквы.

– А мы зайдем там перекусить в кафешку или ресторан... гулять так гулять.

– Ой, ну ты сказал... в ресторан сейчас не попадешь – огромные очереди везде.

– Ну ладно, тогда просто погуляем, не помрем без супа и давай спать уже.

Но гулять они не поехали. Наступил декабрь и в комнатах было холодно. Вторые рамы и заклеенные окна не спасали от холода. Затопили печь и в комнатах сразу стало заметно теплее.

Вера накрыла на стол, пригласила Софью Платоновну с Любой и сели ужинать.

– Эх, братцы, хорошо – то дома как, вот уж точно, жить стало лучше, жить стало веселее, – так что это дело надо sprysнуть, – сказал он, разливая массандровский кагор.

– Софья Платоновна, а ну – ка с теплотцой, – сказал он, наливая ей кагору и разбавляя его кипятком, – Верочка, а давай и Валерке теплотцы нальем, это ж как святое причастие...

– Только немного совсем, буквально каплю.

– Ну, братцы, будем живы не помрем, поехали...

Вера было мастерица готовить, тушенная капуста со всякими приправами и специями, да еще с сосисками пошли на ура. К чаю были пирожки с маком и черный шоколад в плитках чуть ли не в палец толщиной из Германии.

– Верунь, а давай споем – предложил раскрасневшийся Евгений Августович.

– Давай, а что?

– А вот это, – и он запел «Когда еще я не пил слез...».

Голоса у обоих были чудесные: у него – лирический тенор, у Веры – низкое контральто, чистое и звучное. Потом было «Что ты жадно глядишь на дорогу...» и еще несколько старых романсов, а под конец Евгений Августович спел арию Каварадосси из «Тоски».

В один из дней в конце января Евгений Августовиче за светло пришел с работы.

– Женечка, ты рано сегодня... отпросился?

– Да нет, лапуля, был в местной командировке, а Валерка где?

– С утра еще с ребятами пошел в парк на лыжах кататься, я уже беспокоиться начала.

На скоро перекусив, Евгений Августович вышел в коридор покурить. Выкурив сигарету, он достал со шкафа тубу с чертежами. «Так – с, посмотрим, что тут у нас». Открыв тубу, он развернул на полу кальки с чертежами – «Так, общий вид, диаметр 120 метров, да эта штука с футбольное поле... разрезки, узлы... так, это у нас Ring Elektromagnet, кольцевой электромагнит, далее Welle Feld generator – волновой генератор, десятиметровая сфера внутри, что за зверь, не понятно. Power Reifen – силовая шина, сколько их тут? Пять штук от электромагнита к генератору... мда, опять не понятно... всего пятьдесят три позиции, что ж попробуем разобраться, товарищ Королев...»

Неожиданно в комнату вошел Валера.

– Ух ты, пап, а можно мне посмотреть?

– Да все уже, Валерик, мне надо было просто уточнить кое что.

– А это что, с твоей работы?

– Ну да, надо будет отнести обратно, так что ты лучше не трогай, хорошо?

– Ладно, пап.

– Ты уроки сделал?

– Нет еще.

– Ну так давай в темпе, хватит гулять.

Евгений Августович только теперь понял всю грандиозность содержимого этого невзрачного на вид футляра. «За 10 минут до Луны, это вам как? А триста тонн полезной нагрузки? И никакого топлива, чистая антигравитация – и правда дыхание космоса. До этой технологии нам еще лет сто не дотянуть, да что сто – и тысячи лет не хватит, если вообще на Земле можно что – то подобное построить. А инерция? Как эта штука нейтрализует инерцию, если пятьсот километров в секунду она набирает за 10 секунд? Фантастика! И что мне теперь с этим делать? Отнести в Академию наук? Так они мне тот же вопрос зададут. Наверняка похоронят. Вот, черт! Спрячу – ка я это дело и пусть лежит до лучших времен».

V

– До чего же холодно сегодня, просто ледник какой-то... На Новый год тепло было, а сегодня опять за двадцать градусов. Женечка, да ты как ледышка холодный, ну – ка прижмись ко мне покрепче, я согрею тебя... вот так, вот хорошо. Послушай, когда же это кончится, наконец, сил моих уже нет... печку с утра топлю, а толку... Николка пол зимы дома просидел, то сопли, то ангина... Валерик вчера с температурой в институт поехал, проект повез сдавать. Жень, я тебя очень прошу поговори еще в профкоме с Еремчуком, ну что за гадость такая, получается зря что ли ты два месяца по выходным горбатился на этом мерзопакостном котловане, застудился весь... Тебе вот этот орден дали, как он, Красного Знамени что ли?

– Трудового Красного Знамени.

– Ну да, трудового, а почему они опять вопрос с жильем не решили? Жень, ты вроде говорил у Еремчука связи в Моссовете, он ведь может как-то с ордером

помочь... ну что это, пятьдесят восьмой год уже, мы одни с этой Марией Павловной во всем доме остались, того и гляди свет отключат.

– Тише, тише, дети... не выдумывай, пока мы здесь живем свет не отключат, не переживай.

– Да они спят крепко, слышишь Валерик похрапывает, опять нос заложен. Я вот думаю, лучше бы вместо этого ордена они тебе ордер дали.

Евгений Августович тяжело вздохнул.

– Верочка, я в среду в профкоме был, накатам им еще одну просьбу, написал про все наши трудности, что на котловане отработал два месяца и вообще... что дети болеют, что дом аварийный того гляди рухнет. Еремчук не отказывается, каждый раз обещает помочь...

– Ну и что? Этот ваш профком – шарашкина контора. Жень, а ты поговори с директором института, с Поплавским.

– Да говорил уже, обещал помочь. Верочка, пойми, раньше мая ордер не получим. Надо перетерпеть.

– Устала я, Жень, устала с этой керосинкой возиться, ведро помойное таскать в этот вонючий сортир, устала от этой Марии Павловны с Людочкой. Представь себе, вчера, прямо перед твоим приходом, захожу в кухню, а она в моей кастрюльке половником копается. Меня увидела и со своей гаденькой улыбочкой засюсюкала: «Машинально, Верочка, машинально...».

– Верунь, так ведь там тоже соседи будут, может опять Мария Павловна.

– До уж, вот будет номер... Жень, а может тебе снова в партию попробовать?

– Уже попробовал. Я тебе не говорил, в начале октября еще заявление в кандидаты подал.

– И что? Ты узнавал, как там?

– Да ни как пока. Говорят, что мое немецкое происхождение...

– Ну и что, при чем тут твои родители – то? Вы же в Москве жили и ты в Москве родился, это я из глухой провинции, а ты коренной москвич можно сказать...

– Да, но мои – то в Германии живут... этим все сказано. Я уверен на сто процентов, что и на этот раз мне откажут. Они уехали туда в тридцать пятом, я тогда Менделеевский заканчивал... Отца зовут Август Вессель, поэтому меня и записали как Августович. Отец из Мюнхена, родился там, а в девятисотом году приехал в Москву, работал главбухом в Подольске на заводе Зингера. Там он и познакомился с мамой, Зинаидой Николаевной, она работала там машинисткой. Летом четырнадцатого года они перебрались в Москву. Отец купил пивную лавку на Тверской. Он хорошо знал это дело: у его родителей была большая пивоварня в Баварии. Отец даже был членом правления Московского общества пивоторговцев. Дела у него шли отлично. Мама уже больше ни когда не работала. Они сняли большую квартиру на Большой Грузинской, где сейчас Тася живет, но мы занимали две самых больших комнаты, а четыре другие были почти пустые – только немного мебели в белых чехлах. В девятнадцатом поздно вечером пришли трое в кожанках и увезли родителей, мы с Тасей уже и не думали их увидеть. Но через неделю их выпустили. Отец сказал, что с них взяли подписку в том, что они не будут вредить Советской власти. Тогда Тасе было уже восемнадцать, а мне девять, она закончила курсы машинисток и работала в «Известиях». Помню родители каждый месяц получали письма из Германии, родные уговаривали их уехать. Но дела у отца шли не плохо да и мне было только одиннадцать, в гимназии учился в четвертом классе. Так время и прошло. Ну а в тридцать пятом после прихода к власти нацистов отношение к нам изменилось и стало уж совсем невмоготу. Как говорится, запахло жареным. Родители тряслись

от страха, что вот – вот их возьмут. Мы собрали типа семейного совета и решили, что им надо уезжать, пока не поздно. Вот, собственно и все, так что какая там партия...

– Ну вот поэтому они и тянут с ордером, что ты беспартийный. Слушай, Жень, а твои родители ведь в до сих пор Мюнхене живут? Я смотрю ты с ними совсем связи не имеешь... как они там, живы вообще. Ты бы хоть письмо им написал.

– Ну почему же, я написал им письмо еще в сорок пятом из Пенемюнде. Как ни странно, почта там работает исправно... письмо дошло, а за неделю до отъезда я получил от них письмо. У них два дома с большим садом в Мюнхене. Один очень большой, но они живут в доме по меньше, в гостевом. Пивоварней занимается младший брат отца дядя Клаус. Мама писала отец прибалывает, сердце у него, а мама вроде ни чего. Я им писал еще раза два и в пятьдесят втором получил от них письмо, я же читал тебе. Вроде все нормально у них.

– Все равно сколько лет прошло и ты больше не писал им? А сколько им лет сейчас?

– Отцу 72, а маме 68.

– Ох, Жень, ну разве можно так, напиши им обязательно. Послушай, а как бы съездить к ним, я прям мечтаю. Они ведь даже не знают меня, внуков своих не видели... может как-то можно, а? Или им к нам приехать?

– Да что ты, Вера, забудь, это не серьезно.

– Но почему же не помечтать, это ж не вредно.

– Ну да, только пока этот черт усатый не помер, я так и ждал всю дорогу, что придут за мной, в институте половину руководящего состава забрали, а теперь, думаешь, что – то изменилось?

– Мама говорит молилась за тебя, и ты, говорила мне, молись... ладно, Женечка, все обошлось и слава Богу. Слушай, Жень, а я сегодня опять его видела.

– Кого?

– Да типа этого... ну помнишь, я еще перед Новым годом про него тебе говорила. Я в окно выглянула, а он там стоит внизу, против окон, огромный такой, на нем то ли плащ, то ли балахон какой-то аж до пят и лица не видно... мне сразу не по себе стало.

– И что дальше?

– Да ничего. Я со страху шторы задернула, а через пару минут посмотрела, его уже не было.

– Может искал кого?

– Жень, кого тут искать, Марию Павловну, что ли? мы же во всем домке одни остались.

– Да, странно... ты дверь входную проверяй и на цепочку обязательно.

– Но Жень, это еще не все. Подожди, я тебе сейчас покажу.

Вера встала с постели и вынула из шкафа, из под стопки белья лист бумаги.

– Вот посмотри, это я у Николки из папки вытащила.

На четвертушке ватмана была изображена фигура, закутанная с головы до ног в какой-то серый балахон с капюшоном, полностью скрывавшем лицо.

– Это тот самый мужик, только мне показалось, что он весь в чем – то сером был, металлом отсвечивал. Меня прям в дрожь бросило, когда я увидела рисунок. Он здесь еще страшнее. Какого хрена он тут околачивается... я за ребят боюсь. Валерка – то взрослый уже, а вот Николка... я ведь этот рисунок еще осенью у него нашла и спрятала, а как увидела опять этого мужика, сразу вспомнила про него. Когда же Николка его видел?

– Ладно, Верочка, давай уже спать, завтра вставать в такую рань...

Утром, проводив детей в школу, Вера взялась за приготовление обеда, но все как-то валилось у нее из рук. Керосинка горела плохо, Вера больше отвернула фитиль, но керосинка нещадно коптила, видимо, от паршивого керосина, молоко никак не хотело закипать, а когда она отошла прибраться в комнату, молоко убежало, залив керосинку, так что она потратила пол часа отмывая и оттирая ее. В кастрюльке осталось меньше половины и было очень обидно. Молоко ей носила молочница Варя из Перово. За трехлитровую банку она платила десять рублей и это было не дорого, если учесть, что в банке был слой сливок в палец толщиной. На душе у нее стало совсем было скверно и беспокойно, она то подходила к наружной двери, прислушиваясь, то выглядывала в окно, томимая тревожным предчувствием. Приготовив обед, она какое-то время походила по коридору, стараясь успокоиться, а потом взялась возиться в чулане, в конце концов не выдержала и собралась идти в школу встретить Николку, хотя он с третьего класса самостоятельно ходил в школу со своим одноклассником Толей Ушановым. Она уже просто не могла оставаться одна. Она надела шубку и сапоги и подошла к окну. То, что она увидела, буквально ошеломило ее. Там, внизу, напротив окна у фонарного столба стоял человек. Был он огромного роста, метра два с половиной, а то и больше, одетый в балахон до самых пят, отсвечивающий металлическим матовым блеском. Был он до того худ, что балахон висел на нем, как на вешалке. Рядом с этой жуткой фигурой висел в воздухе светящийся шар размером с футбольный мяч. Шар менял цвет от ослепительно голубого, как пламя электросварки, до красно оранжевого и вместе с ним фигура меняла цвет от серого до черного, как антрацит. Голова фигуры была полностью скрыта капюшоном, так что лица он не видела. Вера почувствовала дрожь в ногах, она не могла пошевелиться, но не от страха, а от страшной слабости, охватившей все ее тело. Сколько продолжалась эта попытка было не понятно, но вот фигура, а вместе с ней и шар начали как бы таять и вдруг с хлопком, который Вера отчетливо слышала, все исчезло. Она с трудом перевела дух и отошла от окна. Она присела на диван, стараясь поглубже дышать, чтобы унять молотившее сердце. «Господи, да что же это такое, какого черта ему нужно тут?». Она с трудом поднялась с дивана и подошла к зеркалу. Лицо ее было белое, как полотно, глаза лихорадочно блестели. Она вышла на лестницу и, хватаясь за перила, спустилась в подъезд. Ноги ее заплетались от слабости. «Куда я иду, зачем?» Она подошла к двери и минуту стояла, не решаясь открыть ее. Неожиданно дверь распахнулась и перед ней оказался Коля.

– Мам, привет, а ты куда, в магазин? А я получил четверку за контрольную по математике, а Герман Николаевич взял у меня рисунок для своей коллекции, помнишь, тот, где Сережа на раскладушке спит.

– Постой, Ника, ты сейчас никого тут на улице не видел?

– Нет мам, мы с Толькой шли, никого не видели.

– Ну ладно, это я так... пойдём домой. Послушай, Ника, тебе Валерик ничего не говорил утром, может он хотел после института пойти куда –нибудь?

– Куда пойти, мам?

– Ну к друзьям, например, или в кино...

– Нет, мам, не говорил. А в кино он только со мной ходит. Или с Нелли.

Накормив Колю и усадив его за уроки, Вера принялась прибираться в гардеробе. В этом не было никакой необходимости: у нее везде был идеальный порядок. Она перекладывала белье и перевешивала одежду просто, чтобы отвлечься от шока, который она пережила только что. Коля сделал уроки и принялся рисовать кота Тарзана, спавшего на стуле возле печки. Был уже седьмой час. Валера сказал, что при-

дет не позже четырех. Вера подошла к Коле и какое-то время наблюдала, как ловко он орудовал карандашом.

– Ника, вспомни, может все таки Валерик говорил тебе, что придет попозже сегодня?

– Нет, мам, он же сказал, что рано приедет, ему сегодня только дипломный проект сдать и все. Да ты не волнуйся, он может к Юре Берману зашел в шахматы играть.

– Нет, Ника, он бы предупредил... что ж такое, время уже восьмой час, папа вот – вот придет, а Валерика все нет... ну что ж такое.

Она принялась расхаживать по комнате, кутаясь в пуховый платок.

Вошел Евгений Августович, как всегда четко, по военному, отдав честь.

– Ох, братцы, ну и мороз сегодня, за бока хватает, за ноги кусает. Как вы тут, чады и домочадцы, не мерзнете?

– Евгений, Валерика нет, не пришел еще. Мне тревожно уже. Время восьмой час.

– Ну и что? Мало ли почему он мог задержаться, он проект сдает, может исправляет, переделывает что-то, в конце концов, может с девушкой в кино пошел, а ты Верочка сразу уже паниковать. Подождем, придет Валера, ни куда не денется. Дай раздеться, Верунь, я сегодня устал, как собака и, как та же собака, есть хочу. Щас бы с удовольствием косточку сгрыз.

– Но Евгений, (Вера всегда так звала мужа, когда речь шла о чем – то для нее серьезном и важном) у Валерика нет девушки.

– То есть как это? А Нелли Левит, они же со школы дружат, вместе в кино ходят, может и сегодня... Все, Верочка, мою руки и давайте ужинать, а там, глядишь и Валера подойдет. Никола, а у тебя как дела? Пятерку принес? нет? эх ты! а что рисуешь? Все кота рисуешь, лучше маму рисуй, смотри какая она у нас красавица.

Плотно поужинав, Евгений Августович, как обычно, вышел в коридор покурить, а следом пошел и Коля. Он любил смотреть, как отец искусно пускает кольца дыма, нанизывая их друг на друга.

Вера ужинать не стала, сказав, что у нее кусок в горло не лезет, и выпила только стакан чая с лимоном. Убрав со стола, она под предлогом, что хочет подышать воздухом, оделась и вышла на улицу. Она стояла у подъезда и напряженно вглядывалась в черноту проулка, который шел от шоссе Энтузиастов к их дому. Она дрожала не столько от холода, сколько от нервного напряжения. В голове было только одно «Что то случилось, что-то ужасное случилось, надо что-то делать, что-то делать...» Она подошла к шоссе и остановилась на тротуаре, глядя по сторонам. Потом она перешла шоссе и встала на остановке, встречая трамваи, шедшие от Авиамооторной, ища глазами Валеру среди пассажиров, спускавшихся по ступеням промерзших вагонов. Прождав так с полчаса, она пошла обратно, почувствовав, как окоченели ноги в легких осенних сапожках.

Евгений Августович сидел на диване с газетой, рядом Николка возился с котом.

– Евгений, время одиннадцать скоро, надо идти к участковому и заявить.

– Верочка, ну ты подумай, какой теперь участковый, да и не к нему надо... в милицию надо идти. А вообще давай – ка успокоимся и подождем до завтра... утро вечера мудренее. Может он у заночевал у кого – нибудь.

– Евгений, ну что ты говоришь, когда это ночевал у кого-то, ты помнишь? Я не помню. Я тебя прошу, умоляю сходи в милицию, тут же рядом, они круглые сутки работают, там дежурный должен быть, объясни им, заявление напиши, ну я не знаю,

нельзя же так сидеть, я просто не выдержу до утра. Я сейчас вышла, темень такая, хоть глаз выколи... по ночам шляется шпана всякая...

Евгений Августович встал и с минуту походил по комнате, заложив руки за спину.

– Мда, дела... ладно, Верунь, пойду, что же делать, у меня ведь тоже на душе не спокойно. Надо взять фотку Валеры, заявление напишу в милиции, сейчас я просто не знаю, как и что писать, у них наверно, форма какая-то есть или продиктуют... ну все, одеваюсь и иду.

Пока Вера ждала возвращения мужа, в голове ее начался уже полный сумбур. Ей представлялось, что на Валерика напала шпана, которой изрядно прибавилось во Владимирском поселке после 53 года. Они могли затащить его в Электродный переулок или вообще в парк, там избить его до полусмерти и вообще пырнуть ножом. Его могли ударить по голове и толкнуть под трамвай, как недавно бухгалтера с «Нефтегаза». Она, конечно, не думала о том, что Валера – это здоровяк под сто килограммов весом, что у него первый разряд по вольной борьбе и что он запросто гнет пальцами пятаки. Он по – прежнему представлялся ей восьмилетним малышом в светлых кудряшках и с большим белым бантом на груди, как на ее любимом фото, сделанном Евгением Августовичем в сентябре сорок пятого года перед командировкой в Германию. Ей не сиделось на месте. Она металась по комнате, то и дело подходя к окну и вглядываясь в темноту. Коля сидел за письменным столом и что-то рисовал в альбомчике. Она приготовила ему постель и поставила на керосинку утюг, чтобы согреть одеяло и простынь.

– Ника, иди зубы чистить и спать.

– Мам, а папа скоро придет?

– Придет, придет, давай быстро в постель.

Уложив Колю, она пошла к Любе. Сестра лежала в кровати и читала при свете ночника. Софья Платоновна лежала на своей кушетке. В углу под образом Николая – угодника теплилась лампадка.

– Любочка, что же делать-то, Валерика нет до сих пор.

Люба отложила книгу и села, обхватив колени руками.

– Вер, ты главное не волнуйся, наверняка он у кого-нибудь из друзей.

– У каких друзей? Он каждый день сидит до часу, а то и до двух над чертежами, не ходит ни куда, да и нет у него ни каких друзей.

– А как же этот, как его, Юрка Берман, он же был у нас недавно, они занимались вместе...

– Да ладно тебе, проходимец он, этот Берман, передрал у Валеры проект и сдал его, как свой, так что Валерику пришлось все заново переделывать.

София Платоновна встала, отложила вязание и перекрестилась на образ.

– Святителю отче наш Никола, моли бога о нас.

Она подошла к Вере и широко перекрестила ее.

– Не переживай, доча, Бог даст, вернется наш Валера. Чует мое сердце, что жив он и здоров.

Как ни странно, на душе у Веры заметно полегчало. Она пошла к себе в комнату и без сил улеглась в ледяную постель.

Евгений Августович пришел около полуночи.

– Ну что, Евгений, что они тебе сказали?

– Постой, Верочка, дай раздеться... и потише говори, Николку разбудишь.

Он рассказал, что в отделении его выслушали с пониманием, помогли написать заявление о пропаже сына и сказали, что если за эти сутки Валера не объявится, сразу же возьмут это дело в разработку.

– Так что давай успокоимся и пойдем спать, у меня завтра трудный день. А Валерик завтра точно объявится, вот увидишь, так что возьми себя в руки и не рви сердце.

Но Валера не объявился ни завтра, ни после завтра ни через неделю.

VI

Вера через день бегала в милицию, там объявляли дежурное: «Работаем, данных пока нет». Она съездила в институт, в деканате ей сказали, что Валера с отличием защитил проект, что проект этот даже может найти практическое применение в промышленном строительстве. Она расспросила чуть ли не всех ребят из его группы, говорили, что он защитился один из первых, а куда направился потом, никто толком не знал. В семье воцарилось гнетущее ожидание чего-то страшного и не поправимого. Так прошел месяц. До этого цветущая и пышущая здоровьем Ольга похудела и осунулась, под глазами появились темные круги от бессонницы. Евгений Августович тоже сильно сдал и однажды признался Ольге, что у него «барахлит мотор». Коля переживал не меньше родителей, он замкнулся в себе, стал прогуливать уроки и в конце февраля принес первую за все время двойку по математике. Веру вызвали в школу.

Анна Демидовна, учительница русского и литературы и классный руководитель пятого «Б» выслушала убитую горе Веру и с минуты они сидели молча.

– Я хорошо помню Валеру, очень начитанный и умный парень, правда немножко замкнутый, но я думаю это от того, что в нем постоянно шла какая-то внутренняя работа. Сказать, что он любил общаться с ребятами, ну знаете, как это бывает в школе, на переменах, после уроков – нет, я бы не сказала. Он и на переменах все стоял с книжкой у окна. Но зато итог – золотая медаль. А вот Коля совсем другой, в нем энергии на десятерых, для него высидеть пять – шесть уроков – уже подвиг, а уж на переменах – где возня, потасовка, Коля точно уж там. Хотя учеба ему дается, как я поняла, легко. На уроках крутится, вместо того чтобы слушать, втихую рисует кого ни будь из ребят. Я ему объясняю, Коля, ты пойми, жизнь художника по определению не проста, а тем более безграмотный художник не сможет выразить себя и скорее всего потеряется в этой жизни, сколько таких случаев в было в старой России, да и теперь – нет, голову опустит, согласно кивает, а потом опять за свое. Кстати, вот возьмите, это мемуарные воспоминания Репина. Не читали? Обязательно прочтите вместе с Колей. Пишет изумительно. Это просто маленький шедевр, зачитаетесь. Но вот ваше горе... я вижу оно совсем выбило его из колеи... скажите, а что милиция, что они говорят?

– Ничего, пока ничего.

– Вера Александровна, поймите, вы должны как-то собраться с силами и продолжать жить... вам нужно внутренне как-то подобраться, подтянуться. Я смотрю Коля на уроках теперь сидит весь в себе, смотрит то в окно, то куда-то в угол, поднимешь его, спросишь, Коля, ты слушаешь? – голову опустит и молчит. Причем понимаете, это не только у меня. Жалуются уже все учителя.

– Хорошо, Анна Демидовна, я с ним поговорю.

– Понимаете, Вера Александровна, поговорить, конечно, надо, но вам необходимо как-то снова наладить нормальный быт, ритм жизни что ли в семье. Я вижу

вы в полном смятении. Все это передается и Коле. Он сбит с толку и просто не понимает, как быть, как жить дальше. А жить надо в любом случае. Вы понимаете?

Вера тяжело вздохнула.

– Я понимаю, Анна Демидовна, спасибо вам.

Томительно долго тянулись промозглые мартовские дни. По – прежнему каждую неделю Вера ходила в милицию, но ответ был один: «Работаем, новых данных пока нет». Чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, она старалась заниматься уроками вместе с Колей. Школу он больше не прогуливал, но все же третью четверть закончил с тройками и единственной пятеркой по рисованию. Две недели апрельских каникул Коля просидел дома, поскольку на улице все развезло и делать там было просто нечего. В воскресенье сходили в кино на «Тайну двух океанов», после чего Коля на листе ватмана нарисовал подводную лодку, охваченную щупальцами огромного спрута. Вечерами Вера занималась шитьем на машинке Зингера, а на ночь на перемену с Колей они читали «Воспоминания» Репина.

Она уже не испытывала щемящей сердце боли при мысли о Валере. Как ни странно, чем больше времени проходило, тем уверенней она была в том, что он жив – здоров и непременно вот – вот найдется. Она тщательно почистила и выгладила его плащ и куртку, которые, перестирала его белье и сложила на отдельной полке в гардеробе. Вообще она постоянно старалась занять себя каким – то делом. Проводив Колю в школу, она возилась на кухне, прибиралась или занималась шитьем.

Шла страстная седмица великого поста. Софья Платоновна, как истово верующая, во время поста не пропускала ни одной воскресной службы в храме Петра и Павла в Лефортово и накануне соборовалась. Ей было за семьдесят, но выглядела она на много моложе своих лет. До войны, еще до переезда в Москву она работала мастером по росписи на Дулевской фабрике. До сих пор у нее сохранился, правда не полностью, чайный сервиз Дулевского фарфора дивной красоты, расписанный ею самой. Она доставала его только когда к ней из Орехово – Зуево приезжали ее сестры Поля и Мария и они чаевничали у нее в комнате. Софья Платоновна взяла на себя труд ходить за продуктами. Сливочного масла сама она не употребляла и все готовила себе на постном. Все остальное она покупала на Рогожском рынке, где многие продавцы ее знали и уважали. На рынок она обычно ездила с Колей, помогавшем носить увесистые сумки и авоськи. Коля любил эти поездки. Он любил слушать, как бабушка торгуется с продавцами, настойчиво и умело сбивая цену. «Делай все с Богом в душе и все получится» – каждый раз говорила она Коле, когда особенно выгодно удавалось что-то купить. Дома Софья Платоновна была большей частью молчалива и с домочадцами общалась очень мало. Евгения Августовича она явно сторонилась, особенно после одного случая. Как-то за праздничным столом зашел разговор о том, что в школе задают слишком много уроков, особенно по математике и детям чуть ли не до ночи приходится сидеть за уроками. Софья Платоновна, молча сидевшая до этого за столом, вдруг неожиданно сказала: «А вот если за уроки садиться, сначала помолиться Богу, да попросить у него разума, тогда и дело быстрее пойдет». Все за столом замолчали. Евгений Августович встал с бокалом вина в руке. «А я вам вот что скажу, дорогая Софья Платоновна, только без обид. Вот этими руками сделано все, что мы видим вокруг хорошего, хотя больше, наверное, плохого. Но при чем тут Бог? Где тут Бог? Нет его! Кто видел его? Кому помог он? И где он был, когда немцы Питер осадили, больше миллиона умурили? А Москву чуть не взяли? Народу положили не меряно. А Николай ваш чуть ли не в первый день войны погиб, мальчишка восемнадцатилетний, а Гоша Таси моей? Это как? А Бог... что Бог? Похоже ему не до нас, так что давайте выпьем вот за эти руки

и за ваши, Софья Платоновна золотые руки». И правда, Софья Платоновна все дни, если не была в храме, проводила за вязанием, в чем она была истинно мастерица. Шторы и занавески на окнах, покрывала на кроватях и скатерти на столах – все было ее рук дело. Узоры и орнаменты на ее изделиях были так хороши – глаз не оторвешь, причем все эти узоры были обязательно разные: ни на одном, даже самом маленьком покрывальце или салфетке они не повторялись.

После случившегося Вера не могла оставаться одна. Управившись с уборкой и приготовив обед, она теперь любила посидеть рядом с матерью, наблюдая за ловкими движениями вязального крючка и слушая рассказы о ее детстве и юности в Дулево. Софья Платоновна, не очень-то разговорчивая даже с дочерьми, могла за весь день не проронить ни слова. Вера как-то раз попросила ее: «Мам, а расскажи, как вы в Дулево жили, как с отцом познакомились?» Софья Платоновна очень живо и в мельчайших подробностях рассказала о том, что ее большая семья жила в самом центре Дулева в старом, построенном еще ее прадедом, рубленном доме – пятистенке. Жили, как говорится, не тужили – не зажиточно, но и не бедствовали. У Софьи было трое братьев и две сестры – Поля и Мария. Софья была младшая. Их всех троих после церковно – приходской школы отдали на Дулевский фарфоровый завод в ученье к мастеру Ивану Фомичу и он терпеливо учил их всем премудростям росписи по фарфору. Отец – Платон Прокофьевич был искусным плотником и в одиночку мог срубить избу. Старший брат Степан с малых лет учился у отца у него плотницкому делу и уже подростком ходил с ним на заработки. Иван и Прохор стали мастерами по обжигу фарфора. Домашнее хозяйство было на попечении Марии. Отец был прижимист, считал каждую копейку и ко времени, когда пришла пора выдавать дочерей за муж, у них с матерью накопилось около трех тысяч. Дочери были, как на подбор хороши собой и все быстро повыходили за муж. Не задолго до революции с отцом случилось несчастье – на строительстве бараков для рабочих в Орехово – Зуево сверху сорвалась тяжелая балка и ему придавило грудь. Месяц он прокашлял кровью и умер как раз на Троицу. Грянул переворот и в восемнадцатом году завод стал называться имени газеты «Правда». К этому времени сестры стали настоящими мастерицами и новое начальство их очень ценило. У них даже появились свои ученики. В девятнадцатом Степана и Прохора забрали в армию и в одной из стычек с денкинцами где – то под Харьковом Степан был убит, а Прохор попал в плен и расстрелян. Иван при новом начальстве быстро пошел в гору. Его назначили начальником цеха и он вступил в партию. Ему было уже за тридцать и он не был женат. Еще до революции он ухаживал за девушкой из бедной многодетной семьи по соседству, даже хотел свататься, но потом все как – то рассыпалось, они еще погуляли вместе какое – то время и этим все закончилось и он так и не женился. В сорок первом Иван ушел на фронт добровольцем. в первые же дни войны его часть попала в окружение, а те, кому удалось пробиться к своим вроде бы видели, что он попал в плен и дальнейшая его судьба не известна. Софья очень любила Ивана, он был весельчак и балагур, а песни пел так, что заслушаешься.

Со своим будущим мужем Александром Сахаровым Софья познакомилась как раз на кануне революции, когда ей было семнадцать лет. Он был хорош собой, работал помощником мастера, прилично зарабатывал и был на хорошем счету у начальства. У них была любовь, по вечерам они ходили гулять на реку, а через месяц он привел ее в свой дом и познакомил с родителями. Молчаливая и скромная Софья им сразу приглянулась и они благословили молодых венчаться. Первое время они жили душа в душу, но уже тогда Александр любил выпить по поводу и без повода, а где – то через год юной Софье волей неволей пришлось учиться молча сносить пья-

ные выходки мужа. В двадцатом году Александр вступил в партию и вошел в состав заводской партиячейки. Софье пришлось уже терпеть откровенные его издевки над ее верой в Христа. Первая ссора у них произошла, когда Александр в тайне от нее сжег в печке ее складень с образами Христа и Богородицы, подаренный ей родителями. Софья возвысила голос и сквозь слезы начала было стыдить его, но увидев его издевательскую усмешку, махнула рукой и молча проплакала всю ночь. У партийного начальства Александр, как ни странно, был на хорошем счету, так что в двадцать пятом его перевели в Орехово – Зуевский областной комитет партии, а в тридцать втором назначили партийным секретарем на строительстве Прожекторного завода. Всем семейством Сахаровы перебрались в Москву. Вере тогда было уже семнадцать лет и она хорошо помнила, сколько пережить и пострадать пришлось Софье Платоновне за ее веру. В тридцать седьмом Александр уже пил запоем и случалось так, что он гонялся за женой с топором за сараями. В августе тридцать девятого они с Софьей поехали отмечать его день рождения к его родителям в Орехово-Зуево, где у них был собственный дом, и он умер там от сердечного приступа. Заводские партийцы хотели похоронить его, как большевика – ленинца, «без всякой религии», но Софья пригласила батюшку отца Михаила и он отпел Александра, как положено по канону.

– Мам, а ты едешь к нему на могилку? – спросила Вера.

– А как же, Верочка, едешь. Первые годы чуть не каждый месяц была у него, а теперь вот только в августе.

– Мам, послушай а может мне сходить к Фоминишне, ну в Перово знаешь знахарка?

– Да Бог с тобой, это еще зачем?

– Ну, насчет Валерика... я разузнала, говорят она по фотке может пропавшего найти.

– Учти, дочка, если пойдешь к ней, Бог не станет тебе помогать. Не гневи.

– Мам, так он и так что-то не помогает, а время идет...

– А ты почему знаешь, помогает он или нет? Всему свое время, так что наберись терпения... ты вот в храм совсем не ходишь. До замужества мы с тобой помнишь на все праздники ходили, а потом как отрезало, а говоришь не помогает. Любка вот тоже... то в храм со мной каждое воскресенье ходила, а теперь вон в партию вступила... А сама-то ты что делаешь, чтобы он тебе помогал? Сделаешь ему на встречу шаг, он сделает два, а ты на месте топчешься, как курица слепая, а надо верить, понимаешь, верить и в храм ходить, поисповедоваться, причаститься, молебен заказать за Валеру, ты ж крещеная, вы все у меня дочки крещеные, Николай вот только... Александр, царство ему небесное, не дал покрестить, уперся рогом, не дам и все, а то бы, глядишь и жив был Николаша наш, вот и подумай. Через неделю Вербное, пойдешь со мной?

– Не знаю, мам, мы вроде с Женей к его Тасе собирались. У нее седьмого день рождения.

– Как раз на Благовещение... ну тут уж сама смотри... только что жаловаться тогда, что не помогает.

– Да я не жалуясь, мам, просто места себе не нахожу, иногда так тошно – жить не хочется. Женя вот тоже... сердечко у него последнее время барахлит. Отсылаю его ко врачу, не идет. Я ему говорю курить хотя бы поменьше, так он вообще теперь сигареты изо рта не вынимает даже на работе. Мам, я вижу ты его избегаешь, совсем не хочешь с ним общаться, а ему еще тяжелее, чем мне, на работе на него еще навалили, сидит там допоздна. Поговори с ним, а? Как-то поддержи его, подбодри...

– Дочь, да о чем же мне с ним говорить? В Бога он не верит, а теперь время такое, что только на Него и надежда... о чем говорить-то?

– Мам, ну хочешь, я его сама попрошу с тобой поговорить? Хотя бы насчет врача. Я очень переживаю за него. Хотя бы вот сегодня, когда он...

– Верочка, врач у нас у всех один, вот с него и надо начинать. А Евгений Августович твой меня не будет слушать, не будет...

Собираясь к Таисии, Вера чувствовала себя не в «своей тарелке». С утра она около двух часов отстояла в Столешниковом за тортом и ей пришлось здорово понервничать, поскольку торты едва не закончились перед самым ее носом. Договорились, что Евгений Августович отпросится на пару часов, поедет к Таисии прямо с работы, а цветы купит по дороге. Стоя около двери в квартиру на Большой Грузинской, Вера все не решалась нажать кнопку звонка. А что, если Евгений еще не приехал? Надо будет ждать его вдвоем с Таисией, говорить с ней о чем-то. О чем? Сосчитав до десяти, она позвонила. Через минуту за дверью послышался кашель и дверь открыла Таисия. На ней было синее бархатное платье до пят, на шее колъе из янтаря.

– Наконец – то, а мы уж тут волноваться начали: все нет ее и нет. Ох, какая ты роскошная мадам... Проходи, Вера, давай – ка я тебе помогу раздеться, темно тут у нас, как у негра сама знаешь где... ох какой торт – то огромный, куда такой?... В Столешниковом, небось, пол дня отстояла. Ну проходи, проходи, вот сюда на диван рядом мужем, заскучал он без тебя. Втроем будем. Соседка Анна обещалась придти, так ней сестра из Питера приехала. Ну что, устроились? Стол не шибко богатый, но все сама готовила. Оливье как ты, Женька любишь, побольше горошка и курицу мелко измельчила. Колбаска из Елисеевского, сыр тоже... Вера, тебе что налить? Это вот мадера крымская, коньяк.

– Мне коньяку, если можно.

– Ну, а я вина выпью. Женька наливай, чего ждешь, да, как говорится, поехали.

Таисии исполнилось 55 лет, но выглядела она старше, может быть из – за совершенно седой копны волос и пергаментно – желтого цвета кожи на лице и руках, скорее всего от курения. Была она высокого роста и вся какая – то узкая, хотя худой ее едва ли можно было назвать, Двигалась она плавно и как бы нехотя, словно в замедленном кино. У нее были черные, как уголь, глаза, маленький рот и нос с горбинкой. Во всем ее облике чувствовалась порода. Ее довольно большая – метров двадцать с лишним – комната была тесно заставлена мебелью. Солидных размеров гардероб, огромный буфет, кровать с высокой спинкой, комод, этажерки с книгами – все это было гарнитурное, резное с инкрустациями. Посреди комнаты стоял круглый стол под зеленым абажуром. Стены были увешаны фотографиями разных размеров в темных рамках. Над кроватью висело большое фото юноши в тубетейке, разительно похожем на Таисию.

Евгений Августович привстал с бокалом и поцеловал Таисию в щеку.

– Ну что ж, поздравляем тебя, Тасенька, здоровья и счастья тебе, радостей по больше, мы тебя любим и ждем в гости. Ты ведь у нас когда, полгода назад, на ноябрьские праздники последний раз была.

– Спасибо, Женька, за теплые слова... а мне кажется, что это будто вчера было. Время пролетело, как один день, я заметила с возрастом время точно летит быстрее... а я сегодня с обеда отпросилась, цветов надали море... эти розы роскошные – от начальника. Вы наберите домой букетов, какие понравятся, мне все равно их ставить некуда. Последнее время работы навалили не в проворот, приходится на дом брать. Уставать что-то стала. Вечером домой прихожу и с ног валюсь. Уж три года как на пенсии должна быть, так не отпускают, пропадем, говорят, без тебя.

Хорошо хоть еще девочку мне дали, учу ее. Ну да ладно... Расскажите как у вас дела – то? С Валерой прояснилось что –нибудь?

– Нет ничего, совсем ничего, – сквозь слезы сказала Вера и спрятала лицо в ладонях.

– Ну а милиция что? Времени – то сколько прошло уже, неужели ни каких результатов?

– Ни каких.

– Так может дать им, чтобы зашевелились?

– Да нет, боюсь только хуже сделаем, – сказал Евгений Августович, закуривая сигарету, – капитан, который нашим делом занимается, вроде нормальный мужик. А вообще я вам скажу, тут какой-то мистикой попахивает. Ну не может человек вот так, на ровном месте взять и исчезнуть. Да еще этот тип...

– Что за тип?

– Да крутится около нашего дома какой – то оборванец... Веру вон напугал недавно.

– Жень, когда вы переедете, наконец, с ордером как у вас дело обстоит?

– Должны вот – вот получить.

– Это вот – вот знаешь, сколько может тянуться?

Arschlöcher in der Kommission* ждут на лапу, не иначе. А вообще черт с ними, будем, ребята, надеяться на лучшее, что нам остается нам in diesem abscheulichen Leben.** Женька, налей – ка нам с Верой.

Вера часто жаловалась мужу, что Таисия при ней часто переходила на немецкий язык, особенно, когда речь заходила о чем – то важном для Таисии. «Я чувствую себя тогда полной дурой».

* жопы в комиссии

** в этой мерзкой жизни

– Выпьем за вас, мои дорогие. Я уверена, что Валера непременно объявится. Не мог же он сквозь землю провалиться в конце концов. А вообще я вам скажу над нами просто злой рок какой – то... Петя погиб в самом начале войны и Гоша пропал без вести тоже в первые же дни войны... мальчишка восемнадцатилетний. Бросили их, пацанов не обстрелянных в самое пекло в Либаве и что? Зачем? Все до одного погибли. Dieser Schnurrbart ist ganz sauer, ich hoffe, er ist mit Glatze auf derselben Pfanne,*** столько ребят за зря положили, Я ведь была в Либаве осенью в сорок пятом, специально разузнать, как там и что. Первым делом я пошла в комендатуру, там сказали, что красноармеец Нарумов Георгий Петрович в списках вышедших из окружения не значится. Больше я ни чего не смогла добиться. Я ведь даже не знала номера его части. Я спросила, может он был ранен и был в госпитале, они сказали, что пароход с ранеными немцы утопили, ни кто не спасся. Я говорю, ну хоть что-то должно остаться, не может же человек просто так пропасть и ни каких следов. Помню там майор однорукий был, вынул из шкафа какие-то папки, покопался в них и выписал мне бумажку, я сейчас я покажу, она у меня здесь вот, в альбоме, ага, вот: рядовой Нарумов Георгий Петрович, связист, Лиепая, п/о 37/7, данные о розыскиваемом – не имеется. А в конце сорок первого мне похоронка на Петю пришла. Вот и все.

Евгений Августович взял ее за руку.

– Тасечка, давай не будем об этом. Все это в прошлом.

– Не знаю, Женька, для меня Гоша мой жив.

* этот усатый все просрал, надеюсь, что там он на одной сковородке с плешивым

– Как странно, – сказала Вера, – Евгений, это же просто мистика какая – то... Николай наш тоже в Либаве пропал без вести. Может они даже вместе служили... прислали точно такую же бумажку, даже номер тот же – п/о 37/7, и не понятно, то ли он погиб, то ли в розыске... Написано нет известий с первых дней войны. Мама в военкомат с ней пошла, там сказали, что это извещение о пропавшем без вести установленной формы. Сказали ждите, со временем могут появиться новые данные. Так вот и ждем до сих пор.

– Ну все, ребята, хватит печалиться, мы что – то совсем погрузнели... Женька, вот, возьми гитару, сыграй нам что – ни будь для души, Сыграй, знаешь вот это: ла... ла – ла – ла —ла... Гоша ее очень любил напевать, «Грустить не надо», по – моему.

Они уехали от Таисии во втором часу ночи. В такси Вера, прижавшись к мужу, сразу задремала и проспала до самого дома.

VII

Участковый уполномоченный лейтенант Яков Паленских шел к Сахаровым по просьбе начальника УГРО майора Ефимцева. Ефимцев позвонил ему после очередной встречи с Верой. Она разрыдалась у него в кабинете когда он сказал ей, что сейчас по Калининскому району в розыске находится порядка десяти Валер разных возрастов. Ефимцев подал ей стакан воды, вынул из стола объемистую папку, пододвинул стул и сел рядом с ней.

– Вот что, Вера Александровна, буду говорить с вами откровенно. Вот здесь у нас около двухсот пропавших за один только март месяц, а ведь мы, сами понимаете, занимаемся в первую очередь грабежами и убийствами. Я в милиции работаю с сорок восьмого года и за эти десять лет у меня по району ни чего не изменилось – каждый год пропадает порядка тысячи человек. По нашей статистике находится где-то порядка пятидесяти процентов. Часто пропадают люди, которые не должны пропасть – для этого нет абсолютно никаких причин видимых и не видимых, так что человеку просто некуда пропасть. Похоже, что случай с вашим сыном именно такой. Мы проверили все обстоятельства его пропажи, да вы их наверняка знаете лучше меня и зацепиться, к сожалению, пока не за что. Но вы, главное, не отчаивайтесь, не теряйте надежды. Работа по розыску ведется постоянно, дела находятся в разработке до пятнадцати лет, так что вам надо просто набраться терпения.

Ефимцев, подключая участкового к этому делу, рассчитывал, что Паленских, которого знали и уважали во Владимирском поселке, «примет огонь на себя»: «Просто чтоб ты, лейтенант, был в курсе, может прояснишь какие-то детали, тут любая мелочь может помочь, хотя скажу тебе, дело мертвое, фактов ноль, но ты хотя бы поговори с ними по душам».

Было около девяти вечера и Яков рассчитывал застать дома всех членов семьи. Подходя к дому, он заметил под фонарным столбом на против подъезда темную неподвижную фигуру ростом ни как не меньше двух метров. «Ну и верзила, баскетболист, наверное, никогда его не видел». В тусклом свете фонаря можно было только рассмотреть, что он был узкоплеч и неестественно худой, так что его плащ или, скорее, балахон до пят был ему явно велик и висел на нем, как на вешалке. Лицо было полностью скрыто капюшоном. Он стоял неподвижно и не пошевелился, когда Яков прошел мимо – буквально в десяти шагах от него. Яков почувствовал, что от странной фигуры веет какой – то жутью. «Ты чего тут ошиваешься? – спросил Яков, но ответа не получил. «Ищешь кого?» – «Уже нашел» – странно высоким

и каким – то звенящим металлическим голосом ответила фигура, медленно двинулась вдоль забора и буквально растворилась в воздухе. Яков проводил ее взглядом. «Вот черт, что это было?» – подумал он и вошел в подъезд.

Дверь ему открыла Вера.

– Вы нашли его? – выпалила она, задыхаясь от волнения, – Валеру нашли?

– Добрый вечер, я ваш участковый, извините, зашел по делу... а вы, простите, кто?

– Я Вера Сахарова, мама Валеры, вы проходите пожалуйста, пойдемте в комнату, вот сюда проходите, осторожно, тут порожек, лампа не горит... Евгений, это вот насчет Валеры,..

– Добрый вечер, Паленских, ваш участковый.

Евгений Максимович отложил газету и подвинул ему стул.

– А по отчеству вас как?

– Семенович. Яков Семенович.

– А я Евгений Августович, вот, пожалуйста присаживайтесь.

– Майор Ефимцев в общем ввел меня в курс дела, хотелось бы, если можно, по подробнее узнать, как все произошло.

Евгений Августович вопросительно посмотрел на Веру.

– Евгений, давай ты, я очень волнуюсь.

– Ну, в общем, мы сразу в тот же день обратились в милицию, оставили заявление...

– Это я в курсе. Расскажите, при каких обстоятельствах это произошло.

– В конце февраля, кажется двадцать седьмого да? Ну да, точно. Валера должен был сдавать курсовой проект, перед этим он пол ночи сидел что-то там исправляя и подчищая, поспал он какие-то три или четыре часа, встал около семи, буквально за пятнадцать – двадцать минут собрался и убежал.

– Как, прямо так и побежал?

– Ну да, он опаздывал.

– А потом?

– А что потом? Больше мы его не видели.

Вера села на диван и заплакала, спрятав лицо в ладонях. Плечи ее вздрагивали.

– Извините, а у вас есть его фотка, желательно по новее, хотелось бы посмотреть.

– Да, конечно, минуту.

Евгений Августович достал из нижнего ящика гардероба пакет с фотографиями и отобрал одну из них.

– Вот, это сразу после Нового года. Такую же точно я передал в милицию.

– Ясно, можно я ее возьму с собой... с возвратом.

– Конечно берите.

– А во что он был одет?

– Черное пальто и серая кроличья шапка. А еще у него был портфель и футляр с чертежами.

– Скажите, а не оставлял он какой-нибудь записки или... понимаете, тут любой клочок бумаги может помочь.

– Да нет, ничего такого... правда в его тетрадке была запись... сейчас попробую найти.

Евгений Августович вынул из ящика письменного стола общую тетрадь.

– Вот, это я пару дней назад нашел, тут изнутри на обложке видите написано «27. 02 Ауд. 105, 9 – 30».

Паленских достал из сумки довольно объемистую записную книжку и карандаш.

– Хорошо, так и запишем, это уже что-то. А в институте вы были?

– Да, вот жена ездила туда несколько раз, толком ни кто ничего не знает.

Сокурсники его сказали, что он сдал на отлично проект одним из первых и поехал домой. Это все, пожалуй.

– А в каком институте он учился?

– В МИСИ

– А на чем он ездил в институт?

– На трамвае до метро Семеновская, потом до ВДНХ, а там не знаю, на автобусе или троллейбусе несколько остановок.

– Мда... это часа полтора – два получается.

– Около того... начало занятий в девять и в семь утра он обычно уже выходил.

– Скажите, а это вот сын ваш...

– Николай

– Да, Николай... Слушай, Коля, может ты вспомнишь тот день, может Валера тебе что-то говорил пред уходом?

– Нет, я еще спал, когда он ушел. Я не видел его.

– Понятно. Ну что ж...

Яков вырвал листок и протянул его Евгению Августовичу.

– Вот мой рабочий телефон. Если что-то найдете еще или вспомните, обязательно звоните. Странно, конечно, все это. Не может же человек так вот просто... Наверняка должны быть какие-то факты, зацепки хотя бы...

Сидевшая молча Вера вдруг вскочила на ноги.

– Постойте, я вспомнила, сейчас я вам покажу.

Она открыла гардероб и вынула из под стопки белья лист ватмана.

– Вот посмотрите, это Николка наш нарисовал.

Яков тотчас узнал в рисунку странную фигуру, которую он только что видел около дома.

– Ну да, я его видел сейчас. Он торчал здесь у фонарного столба.

– И я видела его два раза – летом и осенью.

– И я видел, – сказал Коля.

– А вы не спросили у него документы? – спросил Евгений Августович.

– Вот это моя оплошность. Не спросил. А вы думаете, что его появление как – то связано с пропажей сына?

Евгений Августович вынул из пачки «Беломора» сигарету и начал разминать ее пальцами.

– Как вам сказать... мы ведь одни во всем доме остались, все жильцы уже как пол года получили новое жилье, одни мы никак ордер не получим. Я весь день на работе, Люба, сестра жены, тоже, Вера с сыном практически одни, да еще Софья Платоновна, так что сами понимаете... а этот тип околачивается здесь не известно зачем.

– Хорошо, а можно я у вас попрошу этот рисунок?

– Да, конечно. Николка, можно товарищ участковый его для дела возьмет?

Коля согласно кивнул головой.

– Хорошо, тогда все пока. Если что, звоните в любое время. Кстати, я вижу у вас телефона нет.

– Да, к сожалению, только на работе.

– Или из автомата, – добавила Вера.

- Хорошо... и еще одно... с вами ведь здесь ваши родственники проживают?
- Да, моя младшая сестра Люба и мама Софья Платоновна.
- Как вы думаете, они могут что-то новое сказать по этому делу?
- Не знаю, Люба точно не скажет ни чего, а вот мама уверена, что Валера жив – здоров.
- А почему она так уверена, – с интересом спросил Яков.
- Ну не знаю, она верующий человек.
- Понятно, ну что же, тогда, всего доброго и если можно, проводите меня, а то коридорчик – то ваш больно темный, как бы не споткнуться.

Яков сидел в трамвае, вытянув ноги и закрыв глаза. В вагоне кроме него и дремавшей кондукторши ни кого не было. Он сразу понял, что дело это дохлое и шансов найти парня – ни каких. А дом – то совсем пустой, того гляди завалится, как они там одни живут? Надо будет иногда навещать к ним, абы что не вышло. А вот с этим великаном в балахоне он явно продинамил. И как он мог его отпустить? Если они его видели несколько раз, значит тут что-то не так. Какого хрена ему тут надо? По виду на монаха похож, только жуткий. А на картинке – то он пожалуй еще пострашнее, чем в натуре. И вдруг Яков увидел его. Этот и впрямь до жути странный пассажир стоял на передней площадке. Неожиданно он двинулся к Якову медленно и так, будто поплыл в воздухе, и вот он уже буквально в шаге от него. Яков видит под капюшоном огромный серый череп без носа и рта с горящими как угли глазами. «Дай сюда» говорит он, протягивая костлявую руку к рисунку. В ужасе Яков дико вскрикивает и валится на пол вагона...

VIII

В конце марта Мария Павловна получила ордер.

– Вот, Верочка, наконец – то, – стоя посреди коридора и целуя листок бумаги со своей обычной приторно сладкой улыбочкой сказала она, – дали в дом по Третьей Владимирской, прямо рядом с моим садом, пешком пять минут всего. Не зря я им ходила надоедала да письма писала. Машина с грузчиками уже пришла, я уж и вещи все собрала. А вам – то скоро дадут?

– Что ж, поздравляю, удачи вам на новом месте.

В расстроенных чувствах Вера пошла на кухню. К вечеру семейство осталось уже без соседей.

На следующий день утром, проводив Колю в школу, Вера прошла в пустую соседскую комнату, полную всякого хлама. Пол был завален обрывками газет, в углу лежала груда старых учебников и тетрадей. «Вот и все, – почему – то думалось ей, – вот и все». Она принесла ведро воды и до обеда оттирала и отмывала комнату. К двум часам ей надо было идти в школу. Накануне Коля опять принес двойку по математике и Анна Демидовна передала с ним записку с просьбой зайти в школу. В половине второго она надела шубку, покрыла голову белым пуховым платком, спустилась в подъезд и замерла от страха. У фонарного столба прямо напротив подъезда стояла та же самая жуткая фигура, закутанная в длинный балахон. Контуры ее были слегка размыты, так что сквозь нее смутно просвечивали кирпичи забора. С минуту Вера стояла, как вкопанная, боясь пошевелиться, потом, не отрывая взгляда от призрака, медленно попятилась и поднялась обратно в квартиру. Она подошла к окну и дрожащей рукой отодвинула штору. На улице было пусто. Призрак исчез.

– Ух ты, сколько места! – обрадовался Николка, придя из школы, – а Мари Пална на совсем уехала?»

– Ника, сейчас будем обедать, а потом поможешь мне здесь прибраться, машинку и мой столик перенесем в эту комнату.

Они принесли с веранды ширму и Вера отгородила пол комнаты для примерочной.

К приходу Евгения Августовича в соседской комнате был полный порядок.

– Представляешь, Евгений, этот жуткий тип опять тут появился, меня до сих пор трясет, корвалола напилась, все равно не могу успокоиться, Что ему надо от нас? Я так за Николку боюсь. Да, а ты заметил, соседи съехали, мы теперь одни совсем. Хочешь комнату посмотреть? Мы с Николкой убрались там, чистоту навели. Это теперь будет мое ателье.

– Так, Верочка, дай раздеться. Что – то подустал я сегодня, тяжелый день был – совещание за совещанием. Ты мне перекусить чего –нибудь сваргань, а я поразмышляю пока.

Он вышел в коридор и затянулся сигаретой. «Что – то не так, что – то происходит и я не понимаю что, а это плохо. Надо позвонить этому Паленских, а лучше сходить к нему и поговорить. Сдается мне, что исчезновение Валерки как – то связано с этим призраком. Да, и обязательно сходить в милицию и рассказать им... сейчас перекушу и пойду».

– Товарищ, вы куда? – остановил его дежурный лейтенант.

– Я насчет сына... по делу о его исчезновении.

– Ваши документы пожалуйста, подождите минуту.

Лейтенант снял трубку и доложил:

– Товарищ капитан, тут Нарумов Евгений Августович по поводу сына... так точно, пропажа. Проходите в седьмой кабинет.

Капитан Сидоренков занимался делом участкового Паленских. Казалось бы все просто – разрыв сердца и смерть. Но не мог без причины случиться разрыв сердца у двадцатипятилетнего, пышущего здоровьем парня, в одиночестве сидящего в трамвае. Хотя сердечко – то слабовато оказалось. Кондукторша показала, что в вагоне был только еще какой – то верзила на передней площадке. И вдруг прямо у нее на глазах дремавший Паленских вдруг дико закричал и упал на пол. То есть все настолько очевидно, что разбираться здесь, собственно, не в чем. Парня конечно, жалко, умный был, дело свое знал и заменить его пока не кем, хоть самому идти на его место...

– Товарищ Нарумов? Проходите, присаживайтесь, моя фамилия Сидоренков... чем могу?

– Товарищ капитан, я по поводу сына Валерия. Он пропал без вести двадцать седьмого февраля.

– Так – с, Нарумов Валерий, стало быть? Сейчас посмотрим.

Сидоренков открыл шкаф, занимавший почти всю стену.

— Так, Нарумов, Нарумов... а вот. Ну что ж посмотрим. Собственно, в вашем деле нет ни какой информации кроме вашего заявления. Ни какой фактуры. Зацепиться, прямо скажем, не за что. Может быть у вас за это время появились какие ни будь новые обстоятельства, свидетели, например?

– Нет, товарищ капитан, к нам приходил участковый, мы ему рассказали, как все случилось... и тут еще одно дело, даже не знаю...

– Говорите, говорите...

– В тот день, когда товарищ Паленских пришел, он видел около дома какого – то подозрительного типа. Его несколько раз видела моя жена, каждый раз он стоял напротив наших окон, как будто кого – то ждал или искал... Мы показали участковому рисунок нашего сына, он нарисовал этого... потому что тоже видел его. Так вот товарищ Паленских сказал, что это тот самый человек, которого он встретил возле дома. Жена сказала, что он похож на оборванца, поскольку одет в какую – то рвань.

– Посмотрите, случайно это не ваш рисунок?

– Ну да, он самый, только в каких – то пятнах весь весь.

– Да, так уж получилось, но ничего страшного, сам рисунок не пострадал. Мы его размножили, а этот подозреваемый в розыске. А с участковым странная история приключилась, я вам доложу. Кондукторша показала, что пассажир высокого роста неизвестно как оказался в вагоне. Она хотела попросить его взять билет, но тот вдруг оказался рядом с Паленских, а кондукторша обмерла от страха. Она видела, что Паленских упал на пол, а тот пассажир просто исчез у нее на глазах. По ее словам все произошло в какие – то секунды..

– Минуточку, то есть как исчез?

– Да так – исчез из вагона и все, ни каких следов. Наверно, прыгнул на ходу. Кондукторша толком больше ни чего не смогла сказать. Ваш рисунок, я уверен, поможет нам найти его. Мда... неожиданный поворот, я вам скажу.

– В тот день, когда исчез сын, жена видела этого типа и я думаю это связано...

– Да – да, конечно, мы в плотную займемся эти делом. Похоже, что исчезновение вашего сына и смерть участкового связаны с появлением нового действующего лица, короче, задача с тремя неизвестными. Что ж, будем решать, а вам огромное спасибо за информацию. Если появится еще что – то новое, обязательно звоните.

IX

Прошел год. Как то вечером, когда Вера с Софьей Платоновной были на службе в храме и Коля оставался один, в дверь позвонили. Коля открыл. Перед ним стояла модно одетая молодая дама в шляпке с вуалью.

– Добрый день, я соседка Ольги Павловны, она просила передать... а взрослых нет дома? А вы, наверное, Коля? Передайте, пожалуйста Софье Платоновне... дядя Толя убил тетю Нюру. Извините пожалуйста.

Она ушла, а Коля все стоял возле открытой двери, соображая, что случилось. Как это дядя Толя, балагур и весельчак, который так рассказывал анекдоты, что все умирали со смеху, который раз в месяц обязательно приезжал к ним поиграть в шахматы с отцом и с Валерой, как это он мог убить такую красивую тетю Нюру? Вскоре пришли мама с бабушкой и он рассказал им. Софья Платоновна, охнув, без сил опустилась на стул.

– Господи, помилуй, сердце мое чувствовало, что – то случится, я ведь говорила Ольге, предупреждала, полечиться ему надо, так нет, нормальный он, нормальный... что делать – то дочка, ведь ехать надо, Ольга ведь одна там.

– Поедем, мам, конечно поедем, давай хоть чайку поьем и поедем, а то в храме три часа на ногах...

Им открыла соседка. Они прошли в комнату. Нюра лежала возле кровати в луже крови. Голова ее была разбита, рядом валялась окровавленная пешня. Анатолия дома не было. Ольга Павловна была у соседей. Оттуда слышался плач. Вера постучалась и вошла. Ольга Павловна лежала на диване и стонала. Рядом стояла пожилая соседка и капала в стакан валерьяну.

– Тетя Оля, это мы с мамой. Вам плохо, надо скорую вызвать. Я сейчас позвоню, хорошо? Ее в любом случае надо вызывать. А почему же милицию – то не вызвали? – обратилась она к соседке, – позвоните 02 пожалуйста. Тетя Оля, вы лежите, лежите, не вставайте.

Анатолия задержали в тот же день вечером на бульваре. Он играл в шахматы с пенсионерами. Его до конца жизни упекли в психушку где – то во Владимирской области. Через месяц умерла Ольга Павловна. Ее похоронили рядом с Нюрой – на Ваганьковском. Освободившуюся огромную комнату заняли какие – то неизвестные родственники Ольги Павловны.

– Откуда их черт принес, не понятно, тетя Оля жива была, так мы о них не слышали и не видели их ни разу, а тут на тебе – понаехали человек десять, ковры, посуду – все за день повывезли, – сокрушалась Вера.

В августе пятьдесят девятого семейство Нарумовых отдыхало в Тирасполе, Поехать туда пригласил Евгений Августовича его друг и сослуживец, начальник отдела Кардаш, который был оттуда родом. У него там был дом на берегу Днестра, где проживала его сестра с мужем и двумя дочерьми. Ехали туда больше полутора суток. Духота в вагоне стояла невыносимая, пахло паровозной гарью. Стоило открыть окно, белая скатерть на столике покрывалась слоем сажи. На станции их встретила хозяйка, назвавшаяся Марианной, красивая смуглянка – молдаванка лет сорока пяти. Погрузились на телегу и сытая лошадка резво потащила их по пыльной дороге на окраину Тирасполя. Дом оказался большой, утопающий в зелени, чистота везде – идеальная, полы, стены – все было в коврах. У ворот их встретили две цыганского вида девочки – подростка. «Христя, Ксанка, что встали столбом, а ну помогите гостям, несите в хату вещи» – прикрикнула на них звонкоголосая Марианна. От ворот открывался чудесный вид на днестровские дали. Марианна разместила их в самой большой комнате с окном в сад. Прямо в окно свешивались крупные, уже спелые гроздья черного винограда. Марианна рассказала, что муж ее сейчас в Тюмени на вахте, работает на газопроводе и пробудет там до октября. «Так же живите, сколько хотите, гости дорогие». Коля первое время стеснялся девочек, но через пару дней освоился и они гонялись по двору друг за другом, брызгаясь ледяной водой из колодца, и бегали купаться на Днестр. Каждое утро хозяйка ставила на стол огромное блюдо, полное винограда, груш и абрикосов и кувшин своего красного вина «А вино – то у вас преотличное, хорошо продаете, наверное» – сказал как – то Евгений Августович. «Та же вы говорите, кто ж его купит, тут у всех оно е» – со смехом ответила Марианна. В первый же день Вера обгорела, пролежав пол дня на берегу, так что потом неделю ходила, накрыв плечи мокрым полотенцем. Евгений Августович еще в Москве пообещал, что переплывет Днестр, но, видимо, сил не рассчитал и доплыл только до середины – оказалось, что в этом месте было довольно сильное течение. Три недели пролетели, как один день. Надо было собираться в Москву, но тут не обошлось без неприятности. За день до отъезда Евгений Августович попросил хозяйку отвезти его на вокзал за билетами. Оказалось, что плацкартных и купейных уже не было, были только общие и то в разных вагонах. Возле кассы Евгений Августович разнервничался, накричал на кассиршу, так что она вызвала дежурного милиционера. В пятницу вечером перед отъездом Евгений Августович с Колей пошли на Днестр искупаться. На обратном пути Евгению Августовичу стало плохо – прихватило сердце. Со стоном он опустился на скамейку возле дома. «Пап, ты что, тебе плохо? давай я маму позову» – «Сейчас, погоди, сынок, сейчас отпустит, посидим не много и отпустит, маме не говори, вот беда – то еще...»

Поезд отправлялся в одиннадцать вечера. В вагоне, забитом до предела стояла невообразимая духота. Евгений Максимович задыхался, Вера с трудом упростила освободить ему нижнюю полку, чтобы он мог прилечь. Николке пришлось ехать в другом вагоне. Дома Евгению Августовичу стало совсем плохо. Вера сразу же вызвала неотложку. Он постоянно стонал и кричал от болей в сердце. Врач, послушав его, сказал, что необходима немедленная госпитализация. «Доктор, я поеду с ним», вся в слезах сказала Вера. «Нет – нет, это ни к чему, приготовьте лучше туда халат, тапочки, остальное потом подвезете» – «Доктор, а куда? В какую больницу?» – «В шестидесятую, тут не далеко».

Утром следующего дня в больнице Вере сказали, что больной находится в реанимации и увидеть его пока нельзя. На вопрос, как он себя чувствует, ей ответили, что поставлен диагноз инфаркт и необходима срочная операция. Совершенно убитая горем, Вера просидела в больнице до вечера, справляясь каждый час о состоянии мужа. «Стабильно тяжелое, – говорили ей, – не ждите и езжайте домой. Звоните по этому телефону». Операция была назначена на четверг на два часа дня. Вера была в больнице с восьми утра в надежде, что ее пустят к мужу. «А вы подойдите к доктору Селиванову, он будет оперировать, может он разрешит вам, он сейчас у заведующей отделением там, в конце коридора» – сказала ей дежурная сестра. Вера подошла к кабинету и в нерешительности остановилась возле двери с табличкой «Зав. отделением Лифшиц К. М.» Дверь была слегка приоткрыта и Вера услышала: «А я вам, Кира Михайловна, говорю, что шансов ноль, уж поверьте моему опыту. Рискнуть? Рискнуть можно, когда пятьдесят на пятьдесят, а тут... минуту». Послышались шаги и дверь неожиданно захлопнулась. Вера была в ужасе от этих слов. Она поняла, что речь идет о ее муже. Она прислонилась спиной к стене, чувствуя, что ноги не держат ее. Так она простояла минуты две, потом, стараясь справиться со страшной слабостью, охватившей ее, она постучала в дверь. Ей не ответили. Она слышала, что там продолжается разговор. Она постучала еще раз у же громче и настойчивей. «Да, войдите» – ответил женский голос. Лифшиц – дама средних лет в золотых очках сидела за столом, доктор Селиванов высокого роста, плотный, стриженный «ежиком», стоял перед ней, перелистывая папку, видимо, с историей болезни.

– Вы что хотели, женщина, – спросила Лифшиц.

– Извините, здравствуйте, я жена Наумова...

– А, весьма кстати, – сказал Селиванов, взяв ее под руку,

– Мы как раз говорили о вашем муже, проходите, садитесь... Как вас величать?

– Вера... Вера Александровна.

– Послушайте, Вера Александровна, скажу вам откровенно, случай тяжелый.

Почему раньше не обратились ко врачу? Это преступная халатность. Вам надо было показаться еще как минимум год назад. Вы же интеллигентная женщина и муж ваш... Вы же не из глухой деревни, как можно было все так запустить? Скажу сразу: шансов мало, очень мало. Вам необходимо подписать согласие на операцию. Ваш муж дал свое согласие, но нам необходимо и ваше. Операция в два часа, так что подумайте, время еще есть. Хотя что тут думать... как говорится, без вариантов.

– Доктор, я согласна.

– Ну что ж, тогда присаживайтесь тут вот за стол, Кира Михайловна...

Лифшиц протянула ей бланк.

– Укажите ФИО, паспорт у вас с собой? Укажите свои паспортные данные, степень родства, внизу бланка ставьте дату и подпись. Не торопитесь, прочтите внимательно, если что-то не понятно, спрашивайте.

– Ну все, Кира Михайловна, если что, я у себя.

Слезы застилали Вере глаза, две – три капли упали на бланк.

– А скажите, доктор, можно мне к мужу, хоть не надолго, я же не могу так вот...

– Хорошо, но 10 -15 минут, не больше. Подойдите к дежурной сестре, она вам халат выдаст и отведет вас. А это (она показала на пакет с апельсинами) ни к чему.

Первое мгновение Вера не узнала мужа. Лицо у него было мертвенно – бледное, под глазами черные круги.

– Здравствуй, Женечка, как же так, разболелся ты у нас...

Он сделал попытку приподняться, но без сил опустился на подушку. Вся в слезах она нагнулась и поцеловала его в ледяную щеку.

– Да вот, Верочка родная, не повезло, но ничего, я еще выберусь, операция сегодня... как ты сама – то, про Валеру есть что – nibудь?

– Все по старому, Жень, С работы твоей приезжали... Худяков и Кардаш. От нас они к тебе поехали, да, видно, не пустили их.

– Да нет, они были где- то час назад. А как Николка, что ж ты без него...

– Так он же в школе, Женечка.

– Жаль, так хотелось увидеть его. Ты держись Верочка, похудела, осунулась, не терзай себя, не рви сердце, дай Бог, обойдется все. Доктор говорит надежды на благоприятный исход мало, но главное, не раскисать. Ты знаешь, как ни странно, я смерти не боюсь. Ни сколько. Помню, в детстве, лет пять мне было, в Подольске мы жили... помню дорогу во ржи и я стою там, смотрю на облака, на небо, а там жаворонки заливаются, и меня тянет туда, к облакам, просто взлететь хочется и я в таком восторге, и чувствую, просто знаю, что жизнь бесконечна и я никогда не умру, ни я ни папа с мамой... так что не убивайся, Верочка милая моя... все пройдет, и ты прости меня, прости, родная, а тебе еще ведь Николку надо будет на ноги поставить, он что – то разболтался последнее время. И еще. Попробуй позвонить моим старикам в Мюнхен. Телефон у меня в моей записной книжке. Она в левом кармане пиджака, ну того, серого в полоску. Приехать они, конечно, не смогут, но хоть будут знать, хорошо? А ты береги себя, не терзайся, сама видишь, не жилец я. На операцию подписался, хотя шансов ни каких – доктор сам мне сказал, да я и сам чувствую, что дело швах. Все, Верочка, жаль, конечно, столько еще хотелось сделать, я ведь еще молодой мужик – то, и на вот тебе.

Он без сил откинулся на подушку.

– Женечка, я хочу тебе сказать... – с трудом сказала Вера сквозь слезы, – ты меня прости, может я ерунду говорю, но если это случится... мама ведь сказала, что родственники там встречаются и если, ну если ты Валерика там не увидишь, это будет значить, что его там нет, что он жив... Женечка, милый, я каждый день буду ждать тебя и каждый вечер буду зажигать свечу. Если не найдешь там Валеру, если он жив, погаси, задуй свечу и я буду знать, что ты рядом и что Валерик...

Он приложил ледяную ладонь к ее щеке.

– Верунь, ну что ты придумала, ты уж совсем того...

– Нет – нет, милый мой, родной обещай мне.

– Ну ладно, Верунь, я постараюсь. Хотя может и выкарабкаюсь еще. Да, вот еще что. Помнишь, на терраске в шкафу был футляр с чертежами, из Германии я привез, так вот, все дело в нем, его надо вернуть, иначе они не отстанут... я с дуру, не знаю зачем, закопал его... ох, сердце, сердце, Верочка, сердце больно, ох, как больно, больно...

В ужасе она выскочила в коридор.

– Доктор! Ему плохо... доктор!

Евгений Августович умер через час на руках у жены. Похоронили его в Кузьминках. Софья Платоновна настаивала на том, что бы отпели его в храме, как положено, ведь он крещеный был, но сослуживцы так быстро все организовали, что на третий день уже все было закончено. На могиле поставили крашеную железную табличку и положили венок «От благодарных сослуживцев». Кардаш предложил Вере помощь в устройстве ее на работу в НИИ, но она была в таком состоянии, что ничего не поняла и не запомнила из его слов. Он передал ей три тысячи рублей. На поминках сидели молча, только Софья Платоновна сказала: «Царствие небесное и вечный покой рабу божьему Евгению». Выпили по рюмке водки за упокой, к еде почти ни кто не притронулся. «Уеду я, к своим поеду в Мюнхен, – сказала уходя Таисия, – Женька был одна моя отрада. Здесь у меня, кроме тебя, никого не осталось». Уже после поминок, когда убрали со стола, неожиданно приехали Макс Гринько с женой Лилей. Макс – невысокого роста худощавый брюнет лет пятидесяти был в шикарном черном костюме, Лиля холеная блондинка на вид на много моложе мужа в перстнях, кольцах и бриллиантовых сережках. В убогой Вериной комнате они смотрелись несколько странно.

– Здравствуй, Верочка, – снимая шляпу и целуясь с Верой, сказал Макс, – прости ради Бога, мы опоздали... на кладбище, к сожалению, не смогли поехать, дела все, но ничего... прими, Верочка, наши соболезнования. Это был просто удар для нас. Женя для нас всегда был примером жизнелюбия и стойкости в этой жизни не простой. Да что говорить, великий был человек. Когда ты позвонила, я ушам своим не поверил – как гром среди ясного неба. Как же так?..

– Спасибо, Макс, вы проходите, присаживайтесь – сказала смущенная Вера, усаживая их на диван.

– Да мы, Верочка, не надолго, буквально на пол часа, я ведь с работы сбежал, – так как же, Верочка, что случилось?

– Сердце, инфаркт... надо было давно уж врачу показаться, я сама виновата, надо было настоять, конечно, да все как то... Люба, Надя, давайте помянем Женю. Макс, Лиля, вам водки или вина?

– Мне водки, а Максу не надо, он за рулем.

– Лиля, но рюмку – то я за Женю выпью.

– Нет, Макс, я сказала нет.

– Ну, как скажешь... Верочка, – сказал он, взяв Ольгу за руку, – еще раз прими наши соболезнования, мы всей душой с тобой. Жени здесь с нами нет, но он всегда будет с нами в наших мыслях, в нашей жизни... и прости, может я не к месту, но уже точно можно сказать, вопрос с вашим жильем там (он показал пальцем на верх), учитывая заслуги Жени, удалось решить. Вы идете, как вне очереди. Где – то в октябре вы должны получить как минимум, двухкомнатную квартиру. Так что можете потихоньку готовиться к переезду.

Рюмка в руке Веры дрогнула и несколько капель упало ей на платье.

– Спасибо, Макс... даже как-то неудобно, но от всей души спасибо... Лиля, вы закусывайте, сырком вот, салатик.

На сороковой день Вера с матерью были в храме. Они заказали панихиду о новопреставленном р. б. Евгении, а Софья Платоновна договорилась с батюшкой отслужить литию на могиле. В храме Вера купила бронзовый подсвечник с ангелочком и запаслась восковыми свечами.

Подшло первое сентября 1959 года и Коля пошел в седьмой класс.

Прошел год и вот они, шестидесятые.

Ах, незабвенные шестидесятые, «как молоды мы были, как искренне любили...», Евтушенко, Рождественский, Вознесенский Ахмадулина собирали стадионы, они давали нам надежду и мы жили этой надеждой, не призрачной, как коммунизм, в котором мы должны были очутиться в 80-м году, и по ходу лопнувший, как мыльный пузырь, а реальной, полной бытия надеждой обычного работяги за станком или за кульманом. Где то там, в Кремле сидели наши горе – правители и занимались черте чем, только не устройством нормальной жизни в стране, но что подедаешь, не везло нам, россиянам на правителей ни до того, ни после, да и теперь, судя по всему, не везет. Жили выживали, как могли, попивали водочку и хулили на все корки родную советскую власть. Хотя ведь о завтрашнем дне мало, кто задумывался, потому что десятилетку заканчивали все, в институты – университеты поступали запросто и забесплатно, была бы голова на плечах, с работы уволить могли только если уж совсем спился, с круга сбился, да и то суд мог восстановить, да еще с оплатой прогулянных дней – стало быть профсоюз не провел работу по воспитанию социалистического сознания трудящегося. Теперь только понимаешь, что по сравнению с нынешними – то временами тогда просто лафа была, а не жизнь. Хочешь оттянуться на Черноморском побережье – пожалуйста, на Камчатке – без проблем и все за копейки. Едешь в метро – читают все. Книжки – копеечные, хотя купить собрание Толстого или Гоголя, да и любых классиков – черта с два, это надо было доставать. Но за то сколько неподдельной радости было, когда на твою полку попадал весь Пушкин или Лермонтов, причем в отличном издании. Сейчас свободно можно купить все это, но хорошо, если один из сотни знает, где стоит памятник Пушкину или может прочесть по памяти хоть одну строфу из Евгения Онегина. Да и на хрена оно теперь? Бабла можно срубить и без Достоевского с Гончаровым – чтобы прочесть все, что они понаписали, нужна уйма времени, а время – деньги, а жизнь такая короткая. Нет, из принципа можно, конечно, засесть за классиков, но тогда точно будешь лапу сосать. А в те благословенные времена всего Пушкина можно было прочесть в метро, а Лермонтова с Гоголем – лежа на диване после работы. Потому что точно знали, завтра пойдешь на работу, получишь свои двести рваных – и гуляй, рванина: хочешь – в музей, хочешь – в пивную... ты свободный человек! Охота, конечно, пока молодые, в Париж смотаться, или там в Лондон, Нью Йорк, но только на недельку – другую, не больше, а на совсем туда – нет уж, у них там проблем выше крыши – за все плати, налоги, кредиты, с работы турнут – пиши пропало, оно нам надо было?

Мало по малу Вера приходила в себя. Люба приходила с работы поздно и на Вере лежала вся домашняя работа. В первых числах октября, даже не надеясь ни на что она пошла в исполком и получила ордер. «Где вы гуляете, ваш ордер уже вторую неделю лежит, – с укором сказала ей секретарша, – давайте ваш паспорт и расписывайтесь в получении». Домой она летела, как на крыльях. «Мам, мы ордер получили! Отдельная квартира в Измайлово! Собирайся, смотреть поедем».

Они получили маленькую двушку на втором этаже кирпичной пятиэтажки на углу 7-й Парковой и Сиреневого бульвара и Вере она показалась роскошной, к тому же – она глазам своим не поверила – там была телефонная розетка. Вера набрала в магазине коробок и они принялись укладывать белье, постели, книги и кухонную утварь. За день все шкафы и полки опустели. Перед отъездом она подошла к тополию, который посадил Евгений Августович в день рождения Коли. За пят-

надцать лет он здорово вырос и был уже в двое выше ее ростом. Она нежно обняла его и поцеловала. «Прощай, тополек, не болей, расти вместе с Николкой большой и сильный».

Она заказала машину и за две ездки перевезли на Сиреневый бульвар все вещи. За пару недель они полностью обустроились на новом месте и на ноябрьские праздники справили новоселье.

Коля пошел учиться в новую школу. К новым учителям и одноклассникам он привыкал с трудом. В первые же дни он нахватал троек и получил двойку по русскому, чего с ним ни когда не бывало. Пришлось Вере засесть с ним за уроки.

Вера ушла из ателье: одной ее зарплаты теперь явно не хватало и она решила заняться работой на дому. Несколько дней она моталась по району и расклеивала объявления «Квалифицированная портниха принимает заказы на пошив верхней женской одежды». Заказчицы не заставили себя долго ждать и уже через неделю пришли первые клиентки. У нее оставались не выполненными два заказа еще с Плехановской и к концу сентября она должна была их сдать. С утра до вечера она строчила на машинке. Устав от шитья, Вера садилась на кровать и неотрывно смотрела на горящую свечу. «Где вы, мои родные, милый Женечка, подай хоть какую весточку, я все равно буду ждать, до последнего вздоха буду ждать». Свечу она зажигала на туалетном столике рядом с кроватью. Здесь ее не могло случайно задуть сквозняком.

– Что ты взялась зря свечи – то жечь, дочка, – заглянув как – то к ней в комнату, сказала Софья Платоновна, – свечу тебе надо бы перед образом Богородицы «Взыскание погибших» ставить, да помолиться за мужа да Валеру, святителю Николаю тоже хорошо бы, материнская молитва силу имеет, если с душой – то, а у тебя в комнате ни одной иконки нет, ты подумала, кому свечи – то возжигаешь?

– Хорошо, мам, а где такую иконку достать? Я тебе денежку дам.

– Достать? Я на Иоанна Златоуста в храм пойду, возьму там. А ты не жги свечи зря, они ведь освященные, я уж чувствую, что ты задумала, видит Бог, не будет ни чего.

По вечерам Вера расклеивала объявления. К концу года у нее в работе было уже несколько заказов.

Новый год получился не веселым. Николка закончил четверть с одними тройками, Вера даже не хотела елку ставить – так скверно было у нее на душе, но из Лесного позвонила Надя и сказала, что взяла двухнедельный отпуск и на зимние каникулы хочет приехать с Сережей, так что елку все – таки пришлось нарядить. Вера пожаловалась Наде, что Николка совсем съехал на тройки, а то и двойку принесет. «А мой Сережка на одни пятерки учится, сказала Надя, – уроки делает сам, я иногда хочу помочь, ну по русскому там, по арифметике, так нет, всякий раз я сам, я сам... а ведь четвертый класс уже».

К Новому году Вера разделалась с заказами.

– Вот, оцените, – сказала она сестрам, разложив на кровати нарядный комплект из поплина – блузку и юбку, и платье из струящегося крепдешина.

– Вер, ты превзошла сама себя, – всплеснув руками, восхищенно сказала Люба, – Надюш, скажи, ведь такой красоты в магазине не купишь, ширпотреб сплошной, даже если что – то путное выбросят, так в очереди настоишься, проклянешь все, а в ателье тоже не везде сошьешь, еще и испортят, а это – просто шедевр, Вера, какая же ты молодец у нас.

– Верунь, тебе давно этим надо было вплотную заняться, сейчас уже своя клиентура была бы. И сколько ты возьмешь за эту красоту?

– Ну, семьсот за комплект и пятьсот за платье.

– А сколько ты шила?

– Ровно месяц.

– Что – то дешево, хотя...

– Вер, – Люба осторожно взяла в руки платье, – а можно я на себя прикину, я аккуратно...

– Ну конечно, Любочка, примерь, но тебе тесновато будет.

– Ох и правда, разжирела... но я прикину хоть.

Люба подошла к зеркалу и приложила к себе платье. Вера и Надя подошли к ней.

– Потрясающе, как раз мой цвет. Вер, а сошьешь мне что –нибудь в этом духе, я тебе заплачу.

– Обязательно, Любочка, я вот думаю, ты ведь у нас теперь министерская дама, я тебе строгий костюм сошью, с жилеткой, чтобы можно было с разными рубашками... материал и цвет ты уж сама подберешь, но мне кажется тебе лучше подойдет светло – серый. К июлю и сошью, как раз ко дню рождения.

– Верунь, а мне? Тогда я, Любаш, за тобой, хотя мне в Лесном и ходить – то не куда кроме как на радиоцентр, а там синий рабочий халат – вот и весь наряд.

– А я тебе, Надежда, брючный костюм для работы сошью. Ты же не в халате на работу ходишь? Ладно, девчонки, скоро заказчица придет, надо повесить все это на ширму. Мне еще у Николки уроки надо проверить. Люба, а вы с Надей можете сходить в магазин? Нужно для оливье все купить, ну и вообще овощей, фруктов – у меня шаром покати, ничего нет. И Николу с собой возьмите, пусть помогает вам сумки нести.

Пришла заказчица – средних лет невзрачной наружности дама в золотых сережках и перстнях. Вера провела ее за ширму. Всю примерку дама молча и придирчиво рассматривала себя в зеркало, поправляя оборки и расправляя складки.

– Вот здесь, обратите внимание, я подобрала и теперь точно в размер, а здесь не много свободно, но так и смотрится лучше. Юбка сидит на вас как родная, я отпустила ее на сантиметр, как вы просили, – хлопотала вокруг нее Вера.

– Хорошо, – наконец сказала дама, – теперь вроде бы все так, как я хотела. Да, так, как я и хотела. Сколько я вам должна?

– За все тысяча двести.

– Мда... дороговато, конечно, ну да ладно. У меня знакомая ищет, хочет костюм пошить, а в ателье наших сами знаете как, все нервы измотают... могу я вас рекомендовать?

– Конечно, минуточку, я вам свой телефон запишу.

– Хорошо. Тесновато тут у вас... а вы не хотите в хорошее ателье в Центре устроиться, я могла бы за вас похлопотать. Вот получите.

Проводив заказчицу, Вера несколько минут сидела на кровати, глядя на слегка подрагивающее пламя свечи. И вдруг свеча вспыхнула ярким пламенем и с легким треском погасла. Вверх от нее потянулась струйка дыма. «Боже мой, что случилось», – прошептала Вера. Она чиркнула спичкой и попыталась зажечь свечу, но та, погорев две – три секунды, погасла. Она несколько раз повторила попытку, но все было бесполезно. Комната наполнилась запахом серы. «Женя... Женя... Женечка, милый, да как же так, это что же, значит Валерик жив? Скажи мне, умоляю, милый мой любимый Женечка, скажи!» – шепотом просила она. Внезапно свеча ярко вспыхнула сама по себе. «Женя!» – хриплым голосом закричала Вера и без сил повалилась на коврик возле кровати.

– Ну, слава Богу! – услышала она голос Софьи Платоновны. Вера лежала на кровати с мокрым платком на лбу. Надя и Люба стояли возле нее на коленях.

– Верочка, дорогая, что случилось? Входим, а ты без чувств на полу лежишь. Тебе плохо стало? Сердце? Ты бледная, как полотно и вся горяишь, как в лихорадке. Что случилось, объясни нам, на вот, выпей. Это корвалол, – Люба протянула ей стакан.

– Не знаю, может подустала просто... а свеча почему не горит?

– Я погасила ее, – сказала Надя, – в комнате серой воняет, ты что, спички жгла? Николка, быстро открой окно проветрить, дышать не чем. Верочка, давай неотложку вызовем, а то вдруг опять...

– Нет – нет, мне уже лучше, просто слабость такая, что ни рукой ни ногой... у меня бывает так, потом все проходит. Спасибо вам, напугала я вас.

– Ты давай лежи, отдыхай, мам, побудешь с ней? А мы с Надей на кухню пойдем. Как ни как, а завтра Новый год.

Как ни странно, но Вера в душе чувствовала огромное облегчение. Кто знает, что тогда случилось? Прошло почти два года и это уже было не столь важно для нее. Теперь она знала, просто уверена была, что Валера жив и это было главное. В ней с еще большей силой возродилась надежда и теперь надо было просто жить и ждать. Свечей Вера больше не зажигала, а иконку «Взыскание погибших» повесила в изголовье кровати и молилась ей как умела – своими словами. Евгений Августович снился ей чуть ли не каждый день. Она просыпалась среди ночи и уже не могла уснуть. От недосыпания у нее появились темные круги под глазами. Так она промучилась всю зиму. Пришла весна, но эти сны не оставляли ее и она решила поделиться с Марией Платоновной.

– Мам, что мне делать, Женя снится мне, как живой и все там, на старой квартире или около нашего дома. Он все будто зовет меня куда – то, ведет за собой и хочет что – то сказать. Я не сплю считай с того дня, как похоронила его, просто измучилась вся.

– А ты на могилке у него давно была?

– Да нет, на прошлой неделе с Николкой были, записочки оставили.

– Так... что же это может быть? Послушай – ка, он же считай, на руках у тебя умер, вспомни, может он тебе сказал что – важное перед смертью, подумай.

– Да нет, мам, я сидела около него, потом он начал кричать от боли, не мог говорить, правда до этого...

– Ну что, говори.

– Да ты не помнишь наверно, у нас в шкафу на терраске футляр лежал, похоже для чертежей, он его из Германии привез, он тогда почему – то вспомнил про него и сказал, что они не отстанут, пока мы его не вернем. Кто такие они, почему не отстанут, кому его надо вернуть – ни чего не понятно.

– Ну и где этот футляр?

– Не знаю, мам, наверно на Плехановской в шкафу и остался. Здесь у нас в квартире его точно нет... хотя подожди, он тогда сказал еще, что закопал его, а где не сказал, у него приступ начался, потерял сознание и все... Боже мой, спасти не смогли.

Мария Платоновна перекрестилась.

– Господи помилуй и упокой душу раба твоего Евгения. Ну что тебе сказать, дочка, нет покоя душе его, надо бы тебе съездить на старую квартиру, может не снесли еще дом, посмотреть там этот футляр, может он на месте еще. Хотя тогда что с ним делать, кому вернуть – то?

– Да не знаю, мам.

– Тот и оно, вот не задача – то.

– А знаешь, сегодня воскресенье, мы с Любой все равно в Измайловский парк сходить погулять хотели и Николку захватим.

Коля смотрел телевизор.

– Ника, одевайся, пойдем с Любой на старую квартиру, я там на терраске оставила шкатулку с набором иголок и нитки. Надо бы их забрать. Заодно захватим книжки, там по – моему томик Дюма остался, Мопассан...

– Мам, кино хорошее, «Весна на Заречной улице», я посмотреть хочу.

– Нет Ника, поможешь нам с Любой. Туда можно через парк пойти, а обратно на автобусе.

Был солнечный майский день. Дул довольно прохладный северный ветерок, парк благоухал был полон птичьим гомоном. За час с небольшим они дошли до старого дома. Он представлял из себя жалкое зрелище: угол, где была их квартира покоился на бок, почти все окна первого этажа были выбиты. Все соседние дома снесли, среди груд мусора ближе к Плехановской улице были видны экскаватор и бульдозер.

– Надо же, Никола, наша завалюшка еще стоит, а я уж думала...

По шаткой скрипучей лестнице они поднялись в квартиру. «Как бы не рухнуло, Любаш, как мы жили тут? Столько лет, столько лет!» Шкатулка была на месте. Николка открыл шкаф и вынул оттуда аэроплан.

– Мам, а давай заберем самолет, смотри, он совсем целый.

– Сынок, да он огромный, куда его? В сумке он не поместится.

– А я его в руках понесу.

– Нет, Ника, ты лучше поищи там футляр для чертежей, который папа из Германии привез.

– Нет, мам, его нет в шкафу, он куда – то делся еще до переезда. Когда мы отсюда съезжали его тут точно не было. Я бы его забрал.

– Ладно, сынок, сумку помоги мне нести, а самолет пусть уж здесь остается, нам в квартире его просто не куда девать, будет валяться на балконе, так что убери его обратно в шкаф. Будем считать, что он погиб в бою вместе с нашим домом. Ну, пойдем. Мы сейчас на трамвае доедем до Главной аллеи, а там на автобусе.

Они вышли из подъезда и здесь произошло нечто. От стены на против подъезда вдруг отделился ярко оранжевый шар размером с большой мяч и медленно поплыл к ним. Он возник буквально из ни чего. Они замерли, не в силах пошевелиться. Шар подплыл к ним и остановился в метре от них. Он покачивался в верх – в низ и слегка потрескивал. Через минуту он поплыл от них вдоль полисадника и, пролетев метра два и остановился, словно приглашая их следовать за ним. Словно замороженные, они двинулись за ним, а шар на углу дома снова остановился, ожидая их, потом повернул за угол и завис около Николкиного тополя. Так он висел минуты две – три, потом поплыл в сторону пруда и вдруг ослепительно вспыхнул и растаял в воздухе без следа. Они стояли пораженные необыкновенным зрелищем, боясь двинуться с места.

– Мам, это шаровая молния, в восторге прошептал Коля, схватив Веру за руку, – представляешь, настоящая шаровая молния!

– Сынок, небо чистое, солнце светит, грозы нет, какая еще молния. Я просто обмерла от страха, руки – ноги трясутся. Ты заметил, он же как живой, он нас привел сюда и все как во сне. Не знаю, как ты, Любочка, а я совсем не хотела идти за ним, так ноги сами пошли, меня просто потащило за ним, кошмар какой – то!

– Да, Верунь, и меня тоже.

Люба погладила прохладный ствол уже совсем распустившегося тополя.

– Ника, смотри, какой красивый да стройный стал твой тополек. Хоть бы не сломали его. Ну все, поехали домой уже.

– Мам, подождите, там что – то есть.

Николка пошел к железной складской изгороди. Он нагнулся и стал что – то доставать из зарослей молодой крапивы.

– Смотри, мам, это же...

В руках у него был портфель из черной кожи, весь в бурых пятнах от сырости и прилипшей грязи.

– Боже мой, это же Валерика портфель, – Вера подбежала к Коле и выхватила портфель у него из рук, – ну конечно, он же поехал с ним тогда в институт, как он тут оказался?

Она попыталась его открыть, но проржавевший замок не поддавался.

– Любочка. Может ты попробуешь?

– Да, Верунь, действительно Валеры портфель. Нет не открыть, замок заржавел.

– Ника, давай отмоем его. Пойдем к пруду и принеси из дома какую – ни будь тряпку, только чистую. «Как он тут оказался? – повторяла она, – я же была здесь недавно, как же я его не заметила?»

Коля принес старую наволочку. Вера принялась оттирать портфель.

– Ох и леденящая вода, аж руки онемели. Надо все таки как – то открыть его, Никола, может у тебя получится?

– Да ладно, мам, дома откроем. В замок надо машинного масла накапать, которым ты свою машинку смазываешь.

– Ну вот, вроде оттерла немного. Столько лет он с ним и в школу и в институт ходил. Слушай, Ника, его ведь, наверное, в милицию надо отнести, как думаешь?

– Зачем, мам? Заберут ведь...

– Нет, Ника, надо отнести. Мы же можем прямо сейчас... здесь ведь рядом совсем – на Плехановской.

– Да ладно, мам, поехали лучше домой, а то вон туча собирается, еще под дождь попадем.

– Нет, пойдем сейчас.

В отделении дежурный сразу направил их к начальнику отдела капитану Сидоренкову. Тот молча выслушал сбивчивый рассказ Веры, покрутил портфель в руках и попробовал открыть. После нескольких попыток замок щелкнул и открылся.

– Так, посмотрим, что тут у нас.

Он выложил на стол два учебника, справочник по математике, готовальню, коробочку с карандашами «Кохинор», два деревянных треугольника, два высушенных яблока и носовой платок.

– Вот, в боковом карманчике лежал, – он раскрыл и положил перед Верой студенческий билет, – ага, а вот и зачетная книжка.

– Боже мой, бедный Валерик, – прошептала она.

– Ну что ж, Вера...

– Александровна, сквозь слезы сказала она.

– Что ж, Вера Александровна, это уже весомый вещдок. хотя... сколько уже прошло?

– Два года.

– Скажите, а того незнакомца, ну того что так напугал вас, вы не встречали больше?

– Слава Богу нет. Мы же на Сиреневый бульвар переехали.

– Понятно, ну что ж, к сожалению, наше расследование... пока похвастаться не чем. Давайте так. Сейчас мы все это дело сфотографируем, чтобы приобщить и можете портфель с его содержимым забрать. А насчет того шара, что вас напугал, так это скорее всего шаровая молния, кстати вон и гроза вроде собирается, первая майская гроза. Вы посидите пока в коридорчике, это не долго.

Капитан подошел к ним через пол часа.

– Ну вот ваш вещдок, в целости и сохранности, все приобщено, надеюсь это как – то поможет нам дело сдвинуть с мертвой точки.

Дома Коля сразу взял лист ватмана и нарисовал свое деревце и рядом оранжевый шар.

Пролетел май, пришли летние каникулы. Коля перешел в седьмой класс с тройкой по математике. Вера сначала по этому поводу расстроилась, но потом успокоилась, поскольку последнюю четверть Коля делал уроки самостоятельно, она лишь раз в неделю заглядывала в его дневник. Друзей у него здесь не было, делать тут ему было решительно нечего и он сам попросился на лето к тете Наде в Лесной.

XI

Стучать три раза в дверь начальника вошло у капитана Сидоренкова в привычку.

– Разрешите, Сергей Федорыч?

– Здорово, Витя, чем порадуешь.

– Появились новые данные по делу участкового Якова Паленских.

– Что еще за дело, по Паленских уже год как дело закрыто, сердце, сам понимаешь, несчастный случай и все, ну ладно, выкладывай.

– Вот посмотрите, – Сидоренков разложил перед ним несколько фотографий. – вот посмотрите, это портфель Нарумова Валерия, студента, пропавшего в феврале пятьдесят восьмого года. Его вчера днем нашла мать Валерия около дома на Плеханова, где они проживали. В октябре они переехали на Сиреневый бульвар в Измайлово.

– Ну и что, а причем тут Паленских?

– Если помните, с Паленских это случилось 20 апреля прошлого года в тридцать шестом трамвае. В тот вечер он был у Нарумовых по делу о пропаже.

– Знаю, помню я сам его попросил к ним зайти.

– Кондукторша показала, что кроме нее и Паленских в вагоне находился еще один пассажир. Выглядел он вот так.

Сидоренко положил перед Уфимцевым фото с рисунка Коли.

– Кондукторша не помнит, где он вошел, проспала, наверно, он стоял на передней площадке, потом вдруг оказался рядом с Паленских.

– Что значит «оказался»?

– В прямом смысле... она показала, что он взялся рукой то ли за плечо, то ли за руку Паленских и тот упал.

– Ну и что, он просто спал, трамвай дернулся, он и свалился с сиденья.

Да но кондукторша говорила, что на нее в этот момент словно столбняк нашел, она пошевелиться не могла, а тот подозреваемый исчез.

– Подозреваемый в чем?.

– В смерти Якова Паленских. Она так и сказала – просто исчез, как сквозь землю провалился.

– Ну и как ты это связываешь с пропажей студента?.

– Вера, его мать, два или три раза видела этого типа в балахоне около дома. Один раз она чуть не столкнулась с ним возле подъезда.

– Интересно... ну, капитан, нагнал ты жути. Ну, а как портфель – то там оказался?

– Судя по тому, что портфель валялся в траве под изгородью, я думаю, студент просто швырнул его в кого – то или во что – то со страху, скорее всего в этого подозреваемого. Кстати, Вера, мать студента, показала, что на месте, где они с сыном нашли портфель, они видели большой оранжевый шар, который их очень испугал. Он был похож на шаровую молнию.

– Так, и что ты собираешься со всем эти делать? Зацепок – то все равно ни каких – одна мистика.

– Сергей Федорыч, вся эта мистика, как вы говорите, связана с этим местом возле дома, где проживали Нарумовы, даже, скорее с их квартирой. Именно там окочивался этот тип с фотки.

– Ну хорошо, твои соображения.

– Я выяснил, что снос дома запланирован на завтра, сегодня у нас понедельник. Как бы, Сергей Федорыч, отсрочить снос на пару дней. Хотелось бы осмотреться там. Уверен, чудес не бывает, но что – то здесь не так, Работы по сносу там ведет «Строймонтажтрест №3». На этом месте вроде сквер собираются посадить. Вот телефон секретаря. Начальника зовут Владимир Дмитриевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.